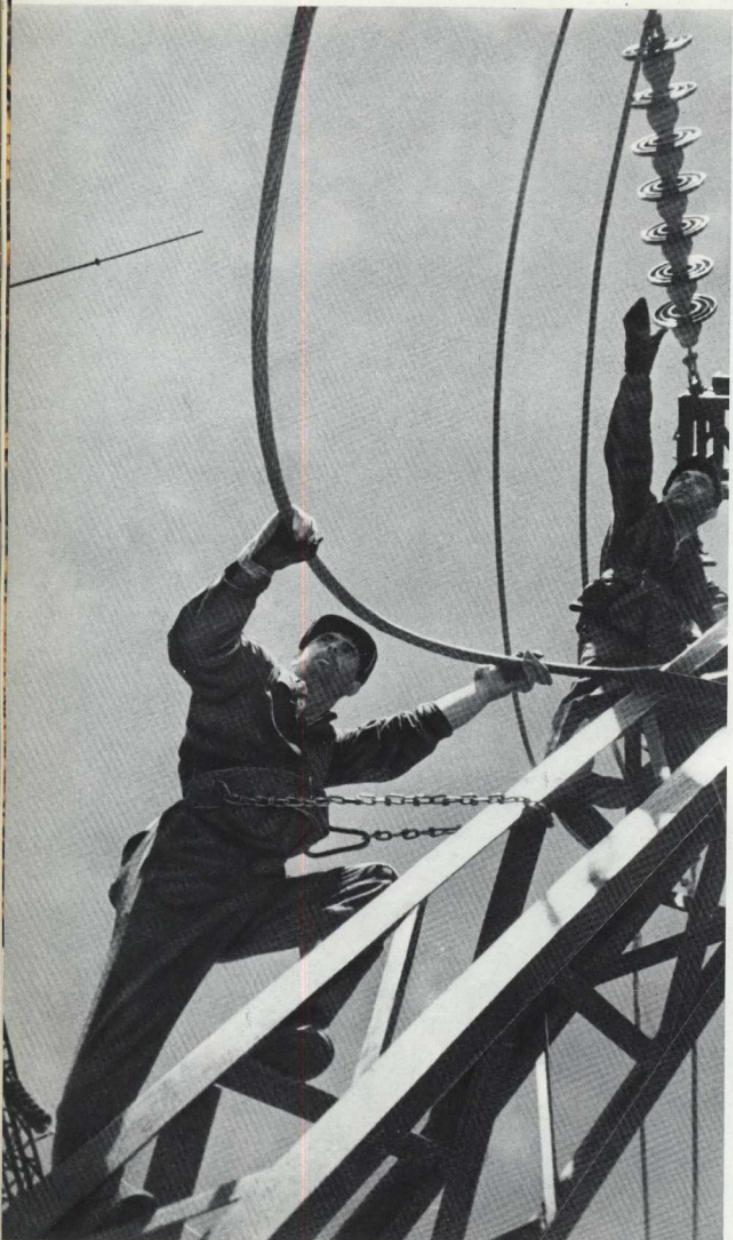

СМЕНА

19 1960

Быются о бетонной плотине Иркутской ГЭС воды могучей Ангры. Львиная долю электроэнергии, которая пошла отсюда на стройки Восточной Сибири, будет брать Иркутский алюминиевый комбинат. От станции в Шелехове — новом индустриальном поселке километрах в двадцати от Иркутска.

«Прочно обосновывайтесь на новом месте, помните, что своим трудом вы вносите неоценимый вклад в великое дело коммунистического строительства». Это слова из ответного письма Никиты Сергеевича Хрущева к бывшим военным-пограничникам. Ниже они трудятся на строительстве второго алюминиевого гиганта Восточной Сибири в поселке Индустриальный, Красноярского края. Много досрочно уловленных в запас воинов можно встретить и на Иркутском алюминиевом.

Строители Иркутского алюминиевого комбината вместе с красноармейцами решили отвечать на письмо Никиты Сергеевича Хрущева отличным трудом. Производственное задание второго года семилетки иркутяне обязались выполнить за 10 месяцев. В IV квартале здесь будет получен первый сибирский алюминий, самый дешевый в стране.

В эти предпраздничные дни на стройке кипят напряженный труд. На снимке вы видите монтажников главной понизительной подстанции Николая ЧИКОВА и Михаила КОМАРОВА (справа).

Вскоре по проводам, что в руках у монтажников, пойдет электротока на напряжением в 110 тысяч вольт.

Фото Н. Шилова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

19 Октябрь 1960

Год нации тридцать седьмой

О СЛАВНЫХ ДЕЛАХ МОЛОДЕЖИ.
РУСТАВИ, КОТОРАЯ РЕШИЛА ПРЕВРАТИТЬ СВОЙ ГОРОД В ГОРОД ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА, ОБРАЗЦОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ, РАССКАЗЫВАЕТСЯ В ФОТОЧЕРКЕ А. РОМОВА И Г. ДУБИНСКОГО, КОТОРЫЙ ВЫ НАЙДЕТЕ на стр. 4.

Молодежь нашей страны отмечает большой юбилей. Сорок лет назад, 2 октября 1920 года, в Москве, на III Всероссийском съезде РКСМ, с речью о задачах союзов молодежи выступил Владимир Ильин Ленин. Затем движение, спущенное молодые рабочие и крестьяне, первые комсомольцы Советской страны, началось.

Теперь, вспомнив героический путь, пройденный комсомолом, вглядываемся в наше сегодня. Мы видим, с какой гениальной прозорливостью определил Ленин с трибуны III съезда РКСМ дела и пути комсомола.

Первым заветом Ильинчика было — учиться, учиться коммунизму. И мы, предстоящие перед нами от спасения, затягиваем пузотуры и ящики, сказ говория о творческом познании всех научных достоинств, всех духовных богатств человечества.

Об этом завете южного помнили

первые «фабзячата», ночи напролет просиживавшие над книжками и чертежами. О нем помнили те, кто приходил в институтские аудитории со строек, из шахт и цехов. Они шли за Лениным, и сам Ленин подтвердил правильность этого пути.

Из западной страны мы будем государство превратиться в деревяшку самой передовой науки. Мы первая в мире страна, запустившая в космос спутник Земли. Мы первая в мире страна, вернувшая из космического пространства посланный туда корабль с живыми существами.

Выступая перед делегатами III съезда, Владимир Ильин особо подчеркивал, как важно воспитывать у молодежи сознательное, коммунистическое отношение к труду. И сейчас, вглядываясь в примеры сегодняшнего дня, с восхищением и удивлением думашь: как верно, как зорко мог

видеть сквозь десятилетия этот человек — мудрый, простой, великий.

Ленин говорил комсомолу о коммунистическом труде — и в наши дни родились поклонники общеноародного движения за коммунистическую жизнь. Наше училище борется за право называться коммунистическим!

Подчас мы просто не замечаем героязма наших будней. Не замечаем, что являются прямыми учениками создателя нового, коммунистического общества. А поди же свершается и под куполом парашюты и у токарного станка, и на мостике мостокола, и за рулем трактора...

Это и есть настоящая жизнЬ, бурлящая и радостная. В ней вплотились великие ленинские заветы, в ней оправдались и сбылись слова, сказанные нашим вождем и учителем сорок лет назад.

ВЕСТИ С ВСЕСОЮЗНОЙ УДАРНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СТРОЙКИ

публикуются на стр. 19.

КОНЕЦ «СЕДОЙ ГОЛОВЫ»

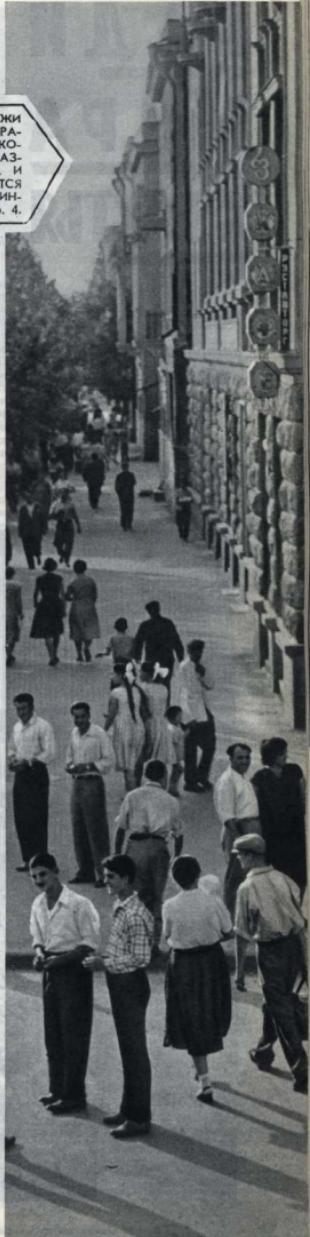
(стр. 14).

- Кто станет президентом США?
Почему безразличны американцы?
За кулисами американской демократии.
Зачем Никсон ездил на Пятое авеню?

Обо всем этом вы узнаете,
когда откроете стр. 26.

МОЛОДЕЖЬ МИРА
ГОВОРИТ: «ФОРУМ —
ЭТО ХОРОШО!»

Читайте стр. 20.

РАДИ МИРА и СЧАСТЬЯ

ФОТО ТАСС.

Когда белоснежный турбоэлктроход «Балтика» пересекал Атлантику, океан был спокоен. Зато на американском берегу разыгралась политическая буря, поднявшаяся в Соединенных Штатах в связи с предстоявшим приездом туда главы Советского правительства Н. С. Хрущева. Именно это породило среди официальных кругов Америки чувство опасения, что на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН будут поставлены самые актуальные международные проблемы, решения которых требуют все честные люди, что на этой сессии не славящие речи, а конкретные дела в пользу мира будут иметь решающее значение.

Давно известно, что страх — плохой советчик. Боязнь правительства США предстать перед крупнейшим международным форумом в «плоте короля» явно помутнила разум высокопоставленных лиц из госдепартамента. Они начали (впрочем, далеко уже не первый раз) совершенствовать глупость за другой. Дипломатическое ведомство мистера Гернера решило отграничить пределы острога Министерства иностранных дел. Н. С. Хрущева под предлогом «необходимости обеспечения его личной безопасности». Эти возмутительные ползи-

ческие меры, опровергавшие их инициаторов перед всем миром, вызвали должную реакцию и в самих США и во всем мире. Так, например, ливанская газета «Ан-Над» подчеркнула, что подобные действия «представляют собой очередной пример глупости и невежества в общепринятых международных правилах. Они свидетельствуют о том, что американские правящие кругом неизвестны сама идея ослабления международной напряженности».

Мы живем в самое бурное время развития человечества. Наши вехи стоят веком борьбы за свободу, когда народы сражаются со своим плечом чужеземного гноя. Сегодня двадцатого столетия явилось временем величайших и прогрессивнейших открытий стремительно развивающейся науки. Но еще дальше мы продвинулись в нашем мире. Радость и счастье еще не вошли в дом каждого человека из земли. Сотни миллионов людей на разных континентах влачат голодное и полуоголое существование. Человечество испытывает глубокое чувство тревоги за свое будущее, ибо гонка ядерных вооружений таит в себе грандиозную опасность возникновения чудовищной, истербильной мировой войны.

Все эти и другие животрепещущие проблемы современности терпят отлагательства. А их дальнейшее рассмотрение возможно только на заседании Генеральной Ассамблеи с участием самых ответственных государственных деятелей стран мира. Вот поэтому глава Советского правительства и отправился в Нью-Йорк, а его примеру последовали ведущие государственные деятели многих других стран.

Не удивителен поэтому колossalный интерес, проявленный представителями американской прессы, радио и телевидения к работе сессии задолго до ее начала. Но не так-то легко было получить пропуск в здание на Ист-Ривер. Виноваты тут отчасти архитекторы и инженеры, проектировавшие здание штаб-квартиры Организации Объединенных Наций. Шестьэтажный ярус здания они исходили из расчета, что ООН будет представлено не в больше семидесяти — семидесяти пять стран, а в работе именнейшей XV сессии приняли участие делегации уже почти ста государств.

Более двух тысяч журналистов приехали в Нью-Йорк, чтобы освещать ход сессии, однако далеко не всем из них удалось получить место в зале, где происходили пленарные заседания. «Сотрудники ООН», — сообщала «Нью-Йорк таймс», — даже не рассматривают просьб корреспондентов американских газет, имеющих право на места в зале тысячок квадратных футов. Американская печать вынуждена была принять, что та новейшая инсталляция неизменно присутствует на сессии главы Советского правительства. Газета «Вашингтон пост энд Таймс гэльд» опубликовала 22 сентября статью своего обозревателя Диксона, в которой говорилось: «В день, когда с «Балтикой» сошел Хрущев, и не был во всех городах, но могли быться об заклад, что все газеты писали о нем. Никсон и Кеннеди могут быть уверены в том, что о них пишут на первых полосах только в тех городах, где они находились. И да же там, чтобы попасть на это здание место им пришлось бы долго и нудно сидеть или чай пить, чтобы сказать». Хрущев же, только проехал по Парк-авеню, мог быть уверен в том, что в городах за тысячу или за десять тысяч миль будут о нем писать на самых видных местах».

В зале заседаний XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

Нью-Йорк. Глава советской делегации на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н. С. Хрущев и премьер-министр Республики Того Сильванус Олимпию.

Встреча Н. С. Хрущева с премьер-министром Кубинской Республики Фиделем Кастро.

В этих словах, принадлежащих первому журналисту, которого никак нельзя заподозрить в сочувствии коммунистам, нет и тени преувеличения. Не только Нью-Йорк, но и вся Америка находится под впечатлением приезда Никиты Сергеевича Хрущева.

Необходимо отметить, что все это происходило после бесчисленных призывов государствам к пресечению «холода» в мире, подвода пропаганды Советского правительства, после ображения президента Эйзенхауэра к американцам с просьбой «пролить сдержанность» и никоном образом не вызывать симпатий советскому премьеру. Как показала жизнь, бредовая идея высокородных и потерявших голову деятелей не нашла поддержки ни в печати, ни у честных американцев.

«Заговор молчания» провалился потому, что его организаторы не учили общественного мнения Америки, да и вообще Запада, который хочет знать, когда же наконец мир обретет спокойствие и будет положен конец «холодной войне». Всю силу добрых намерений нации сумели проявить сердцем, что глава Советского правительства в своем выступлении непременно скажет о тех проблемах, которые уже стоят перед всеми людьми человечества.

И вот слова, которых ждал весь мир, прозвучали с высокой трибуны Генеральной Ассамблеи. Второй раз в истории ООН вошел на ее трибуну товарищ Хрущев. Его речь, исполненная неограниченной логики и силы прагматизма, убедительно показала, что в настоящие времена имеются все предпосылки и условия для осуществления прекрасных помыслов человечества. Эти мудрые слова, проникнутые широкенной любовью к боязни мира, о жизни всех людей на земле.

Бот же, который год мир является свидетелем, как одни за другими поднимаются народы колоний, изменяя политическую карту земного шара, на которой появляются новые и новые государства, освободившиеся от тяжелого колониального гнета.

За последние пятнадцать лет около полутора миллиардов людей, то есть половина населения земли, сбросили оковы колониализма. Прогнозы и распадается вся колониальная система, отжившая свой век. Но, как и все реакционеры, колониаторы пытаются вернуть вспять колесо истории, отвести назад стрелки часов колониального господства, которым готовы прорубить любое ущелье. Они не бросят никакими методами для того, чтобы отдалить свой неминуемый крах: развязывают огонь военных конфликтов, плетут сети заговоров, пытаются задушить неокрепшего государства экономической блокадой. Но нет на свете таких сил, которые могли бы остановить борьбу народов за свое обложение, ибо это великий исторический процесс.

Пора наконец покончить с отвратительной системой порабощения, узаконенного и длительного грабежа, дискриминации племен и народов», — сказал Никита Сергеевич.

Программа разоружения —

вопрос, который волнует все человечество. И это не случайно. Гонка вооружений, привнесшая в наши дни чудовищные темпы и масштабы, оказывает столь пагубное воздействие на все стороны жизни современного общества, что мириться с ее продолжением больше нельзя. Военные расходы всех стран мира превышают суммы миллиардов долларов в год. В военной сфере сейчас занято сто миллионов людей, то есть больше, чем все мужское население Западной Европы. Все это учитывает колоссальную разрушительную силу современного оружия и его огромные запасы, не позволяющие большие народы медлить с решением этой

Выступая с трибуны Генеральной Ассамблеи, Никита Сергеевич во всем ссыпался заявляя, что Советский Союз сделает все от него зависящее, чтобы полное и всеобщее разоружение стало фактом, чтобы человечество было избавлено от гонки вооружений и

угрозы новой истребительной войны. Эта решимость была подтверждена. «Основными положениями договора о всеобщем и полном разоружении», внесенным Советским правительством на рассмотрение сессии Генеральной Ассамблеи. Отличительная черта новых советских предложений состоит в том, что они тесно связаны с конкретными условиями и практическими соглашениями, в том, что они составлены с учетом всего подобного, что содержалось в пожеланиях западных держав. Это делает новую программу еще более реалистичной, конкретной и действенной.

От имени Советского правительства товарищ Н. С. Хрущев внес также на рассмотрение ООН предложение, направленные на повышение ее роли как форума, содействующего успеху принципов мирного сосуществования государства с различными социальными устройствами. Общность интересов всех государств в сохранении мира — таков тот фундамент Объединенных Наций.

...Даты исторические дни. Работа ХХ сессии ООН продолжается. Насыщенность событиями настолько велика, что пресса едва успевает освещать их, а общественность — усвоить их смысл и значение.

Когда всталась этот номер, пришли сообщения о новых выступлениях Никиты Сергеевича в ООН. Резкую, но справедливую отповедь дал глава Советского правительства злобным изысканным американским делегатам о народном Китае. Разоблачив плахотнические умы западных пропагандистов, прониграждавших принципы ООН народного Китая, Н. С. Хрущев под аплодисментами большинства делегатов сессии решительно заявил:

«Надо выбросить чайханистский труп к чертовой бабушке и дать место в ООН действительному живому — Китайской Народной Республике».

После создания ООН минуло пятнадцать лет. За это время на

нашей планете произошли колоссальные изменения. Из трех миллиардов населения земли свыше миллиарда живет теперь в странах, большинство из которых образовало и оформило свою социалистическую государственность за последнее пятнадцатилетие. На международной арене появились также новые молодые государственные образования, находящиеся в нейтральной политике.

Вполне естественно, что новая социальная структура мира, оказы whole-ающая разрешающее влияние на современные международные взаимоотношения, должна находить свое отражение и в органах Организации Объединенных Наций.

Понятно поэтому, почему в своих страстиах, пламенных выступлениях на Генеральной Ассамблее глава Советского правительства неустанно требует пересмотра структуры руководящих органов ООН. Эта необходимость вызвана стремлением нормализовать отношения между всеми государствами на основе равноправного сотрудничества в этой международной организации. Учитывая реальную обстановку и соотношение сил в современном мире, следует создать такой исполнительный орган, в котором три группы государств были бы представлены тремя лицами с тем, чтобы эти люди и осуществляли решения Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи. К такому выводу приходит каждый, кто трезво смотрит на вещи, кто здраво оценивает события, кто стремится обеспечить Организацию Объединенных Наций возможность выполнения главной задачи — сохранения мира между народами.

Работа сессии ООН не закончена. Борьба продолжается. Все прогрессивное человечество с наложением следит за событиями в зале на Ист-Ривер, горячо поддерживающими усилия советской делегации, направленными на ослабление международной напряженности, на сохранение мира на земле.

МЕДИАМЕЧТЬ

Фото Жанна-Одри Франко. Статья
Горький. Фото Г. Дубинского.

Сколько лет Рустави?

Одни говорят, что городу не сколько столетий. А другие уверяют: нашему Рустави еще не исполнилось года. И это тоже верно.

...По городу идет мальчишка. Он идет по улицам, посматривает и так поглядывает на дома и скверы, что сразу видно: идет холдинг.

Мальчишка глядит на прохожих. Вот один из них закуривает. Он зажигает последнюю спичку, и коробок остается пустым. Кому нужен пустой коробок? И прохожий бросает его на тротуар. Мальчишка останавливается. Как хозяин, он не терпит неподчищенных на улице коробков. Он дергает прохожего за руку и скрупульно говорит: «Поднимите, гражданин! И тот поднимает.

Мальчишке двенадцать лет. В 1948 году, за три месяца до того, как он появился на свет, на месте домов, скверов, площадей,

завода была голая, пустынная степь.

Существует легенда: много лет назад на том месте, где сейчас стоит Рустави, жили древние грузинские мастера стали. Первобытным способом, в ямах, выплавляли они метал. Словно в подтверждение этой легенды, в 1948 году здесь, на пустыне, был заложен город и металлургический завод, ставший сейчас одним из крупнейших в стране.

А может быть, настоящая, второе рождение города состоялось в мае этого года, когда руставские комсомольцы первыми отклинулись на призыв молодых севастопольцев бороться за звание города коммунистического труда и быта, за звание коммунистического города?

...Ереванское шоссе, соединяющее Ереван с Рустави, идет мимо отвесных каменных скал Мечтского замка, мимо пetylющей слесы Куры, изгибающейся в предгорье и вдруг выносится в равнину

степь. По обочинам заботливо посаженные молодые деревья.

— Руставские комсомольцы посадили — живут на деревца наш щофер.

Когда сажали их, эти пока еще маленькие, нежно-зеленые саженцы, больше похожи на кусты. Вечером, днем, утром? В жару или под дождем? Какие-то парни и девчата выходили по воскресным дням или после работы на дороги, колпак землю — ради того, чтобы саженцы, шумящие в ветрах и легче было в них. Эти деревья — своеобразное предисловие к городу. А на ее улицах они разрастаются, так густо, так буйно, что закрывают собой дома...

Интересно, что Рустави создавалась в разных уголках страны: на Урале, в Донбассе, Подмосковье. В этих местах опытные мастера-металлурги заранее готовили рабочих для будущих цехов. Одним из таких мастеров был Василий Буглаев из Стальиона. Потом он переехал в Рустави и здесь уж

2

3

4

вышел на пенсию. Казалось бы, что нужно человеку? Пенсия хорошая, климат благодатный, отдохнешь себе беззаботно: заслужил! Но один раз в неделю Василий Иванович обязательным приходит в мартеновский цех. Привычно шагает по рабочим обходам завода, неторопливо, с интересом. Каждая такая плавка старого мастера — произведение искусства. И каждая такая плавка доказывает: труда — это творчество, труда — это самоутверждение человеческой личности, труда — это жизненная потребность.

— Если я хоть раз,— говорит Василий Иванович,— не приду в цех, потом всю неделю больным себя чувствовать.

В этом самом мартеновском цехе работает двадцатилетний Отар Ломидзе. Был он подурчанием, а мечтать стать сталеваром — ходзинией печи. Но казалось, все было против. В первую очередь молодость. Сложную, трудную работу сталевара доверяли только

опытным мастерам. Что ж, в этом была своя логика! Но Отар думал иначе.

— Дайте мне печь хотя бы на неделю, на пробу, и я докажу...

Но печь не дали. Тогда Отар «изобрел» на комсомольской ярмарке в Магдебурге и комсомольцы-мартеновцы рошани просили наставника цеха назначить Отара Ломидзе стальваром.

Меня познакомили с ним в цехе. Чумазый, черноволосый, застенчивый, чуть угловатый парень быстро покзал мне руку и сразу же отошел к печи. Теперь он стал сталеваром! За три месяца работы Отар дал стране 750 тонн стали сверх плана...

Таких людей, целиком устремленных к неизвестному бесплодных, здесь много.

Они стоят у печей, закрываясь рукой от нестерпимого жара расплавленной стали. Они неутомимо следят за тем, чтобы не пропашвали вагоны на подъездных путях, звонят железнодорожникам, сами, если нужно, разгружают грузы, прицепляют десятки и сотни вагонов к «Комсомольскому» составу семилетки. Они склоняются над чугунными досками, обдумывая изобретение. Они остаются после работы, чтобы собрать металлические кружки («Что это делал?») Почему они впечатывают во все на заводе? Ответ на это дают самим комсомольцам Рустави, подхватившие призыв севастопольцев, и табельщицы.

На дворе изложници мартеновского цеха работало 8 технических контроллеров. Бригадир участка Семен Смирновладе учился в институте инженеров машиностроения 1959 года. Работая без ОТК, участок дает продукцию высокого качества. Работники ОТК перешли на другие участки — на печной и разливочный пролеты. Но, пожалуй, и там их место непрочно:

то изложнице или изложнице для плавки стали, то что-то другое... Но кто нас — будь то люди — изложници, изложници, изложници...

НА СНИМКАХ:

1. Эти трубы пойдут на крупнейшие стройки страны, на новые заводы, шахты, гидроэлектростанции, нефтепроводы...

2. Мастер трубопрокатного стана «400» Демур Карадзе и инженер Николай Андреев.

3. На вахте... Трубопрокатный стан «400».

4. Намотчица электропроката Зина Дутелия — студентка-заочница. Девушка увлекается гимнастикой. Недавно ей была присвоен первый спортивный разряд.

мартеновский цех собирается отказатьсь от ТО и ремонтов.

Чем скорее — смеются контролеры — нас уволят, тем лучше будет. Ведь наш коллектив борется за звание коммунистического!

А нам найдется и другая работа.

Один из цехов, завоевавших уже звание коммунистического, — это цех автоматизации и механизации (ЦАМ). Очень верно, пожалуй, определя коммунистическую сущность работы цеха заместитель начальника ЦАМ Дмитрий Александрович Шалыгин.

Обично ведь как бывает, — рассказывал мне Дмитрий Александрович, — во всяком цехе работают делится как бы на две части: то, что идет сверху, по плану, и то, что исходит от собственной инициативы. Но у нас... он усмехается в черные усы... — план и инициатива переплелись так тесно, что составили одно целое. Не помешай подчас, кто кого предвзирает: план инициативы или инициатива план...

Задачи цеха — максимально автоматизировать и механизировать все участки завода. В одном из основных цехов, трубопрокатном, установлен огромный, и редкий по своей мощности, агрегат — трубопрокатный агрегат «400». Для того, чтобы кусок раскаленного металла мог превратиться в готовую трубу, он должен пройти по агрегату «400» путь в один километр сто метров. Две тысячи двести моторов приводят в движение сверхсложную механическую установку. И вот — механизаторы ЦАМа Дмитрий Шалыгину, Леониду Тартаковскому, Петру Баркалову и другим, она показалась недостаточно современной. Этими потоком управляли 22 оператора. Цемовцы подсчитали, что число операторов можно сократить до пятнадцати, потом до десяти, и, наконец... до трех человек! Причем эти трое будут только контролировать работу агрегата. Срочно сели за чертежи, проекты.

Такая инициатива была включена в план. За реализацию ее взялся Петер Баркалов со своей комсомольско-молодежной бригадой — Виталием Зарыным, Джублером Даали, Вадимом Дужинским. Сейчас план универсальной механизации и автоматизации агрегата выполнен более чем на 70 процентов.

Чтобы подготовить специалистов для управления сложнейшими процессами, требующими много времени и крауда, Коллегия завода решила обратиться за помощью к кибернетике. Были наложены связи с Институтом автоматики и телемеханики. Инженеры Борис Глебов и Василий Торгашев осваивают сейчас электронно-вычислительную машину для управления обжиговыми стеками в прокатном цехе, а вычислительная машина, управляющая ходом доменного процесса, уже проходит испытания на заводе.

Коммунистический труд... Движение это на Закавказском ме-

6

7

5

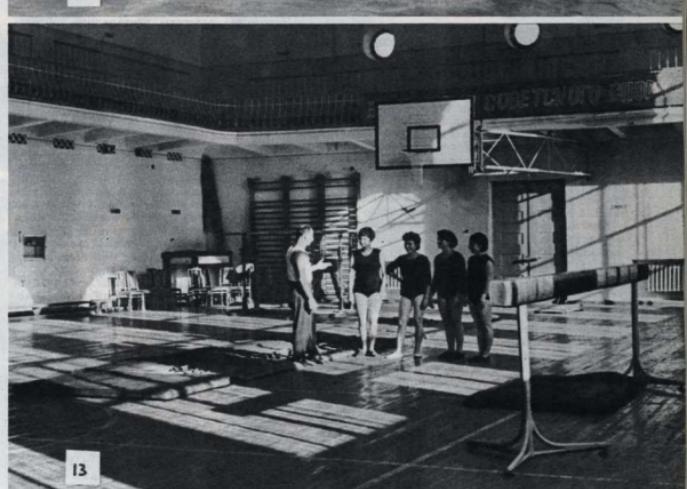
8

таллургическом началось в бригаде формовщика Александра Майсурдзе — первого в Рустави ударника коммунистического труда. Знамя, которое подняли металлурги, подхватили и другие предприятия города: цементный, мозаечный, азотнокислотный заводы, строительные организации Рустави.

Город борется за звание коммунистического. Это значит: коммунистическим должно быть не только труд, но и быт, отдых, учеба.

Интересная деталь: за последние два месяца в Рустави снято десять милицийских постов. Наблюдение за порядком берет на свои руки общественность, комсомольцы.

На штабе народной дружиной мы разговаривались с одним из лучших дружинников города, подружинным старшем Угурамом Чхикладзе. Мы спросили, не думает ли он, что снимать милиционские посты пока рискованно. Крепко сложен-

ный, неторопливый Гурам улыбнулся:

— К концу года снимем еще двадцать постов, а к концу семилетки в милиции вообще не будет работы в городе.

А потом мы узнали: с тех пор как руставцы приняли обязательство бороться за звание коммунистического города, не было ни одного случая нарушения общественного порядка.

Много хороших дел задумали и осуществили комсомольцы Рустави. В частности, обновили облик города, например, отказались от немукиной штаниной единицы — воспитателя. Теперь его функции выполняют члены совета общещества. В кинотеатре исчезли штатные контролеры.

Но, пожалуй, самое примечательное в Рустави — это количества учащейся молодежи.

Большинство молодежи учится без отрыва от производства. На металлургическом, цементном, азотнокислом заводах есть це-

льные участки, где все рабочие имеют среднее образование и продолжают учиться. При металлургическом институте созданы кружки химико-металлургический техники и физика Грузинского политехнического института.

Наиболее интересными являются те группы обучения, инициаторами создания которых были сами комсомольцы. Такой университет технической культуры, созданный на металлургическом заводе. Целью его — дальнейшее совершенствование инженеров, техников и рабочих высшей квалификации. Университет технической культуры знакомит специалистов с достижениями современной науки, дает широкую теоретическую базу практикам. Сейчас университет, лекции которого уже прослушано более 900 человек — самое популярное учебное заведение на заводе.

Когда знакомишься с жизнью руставской молодежи, то невольно думаешь: да, именно об этом

сорок лет тому назад говорил Ленин в своей речи на III съезде РКСМ. Он говорил о коммунистическом будущем, о будущем, когда молодежь должна учиться коммунизму. Комсомол, следуя заветам вождя, твердо идет по пути, о котором веками мечтали лучшие умы человечества.

Мечта... Молодому поколению наших дней выпала честь своими руками превратить эту мечту в жизнь. И молодые неустанным трудится, дерзает, ищет. Вот почему призы севастопольских конкурсов подхватили уже комсомолы из Москвы и Омска, Ленинграда и Рустави, Кохтла-Ярви и Сумгита.

На разных меридианах стоят эти города. Но у комсомольцев своя география. Поэтому можно смело сказать: города эти стоят на одном меридиане — меридиане мечты.

Ан. РОМОВ,
специальный корреспондент
«Смены»

5. На рассвете. Город умывается.

6. Эта аудитория расположена в фойе из плавающей стали Заводского металлургического завода. Из 550 студентов вечернего химико-металлургического техникума большинство — рабочие-металлурги.

7. «Младшая дружина» следит за чистотой и порядком на улицах.

8. Кронодар идет по городу! У стендов всегда оживленно, всегда много читателей.

9. Одни из руставских улиц.

10. Во дворце культуры Заводского металлургического.

11. Юный представитель «автогородского поколения» руставцев.

12. На озере, созданном руками руставцев.

13. Тренировочные занятия гимнастов в один из залов «Спортивного комплекса» — комплекса сооружений, который по праву гордится руставцами.

ЕВГ. ГЕРР

В СТРЕЧА С МОЛОДОСТЬЮ

ПО ПУТЕВКЕ ЦК

Весной 1920 года я демобилизовалась из Красной Армии. Путевка ЦК комсомола привела меня на Урал, в Усольский уезд, Пермской губернии, где я должна была работать на строительстве Губахинской электрической станции.

Напутствуя меня, работники ЦК комсомола и рисовавшие мечтательные перспективы: аэлектироцентрация оправдала огромную роль в разработке несметных сокровищ, таящихся в недрах Усольского уезда — этого обширного таежного края, в восстановлении Кизеловского угольного бассейна и в создании плавленого социалистического хозяйства на Урале вообще.

— Это одна из первых электростанций, которым будут строиться по указанию Ленина — закончили беседу в Центральном Комитете.

Стоял ли подчеркивать, с каким воодушевлением я отправилась в путь. Мне только что исполнилось 19 лет. Две годы я была отдана армии, фронтах, театрах, будь непосредственно участвовать в строительстве, в осуществлении ленинских планов электрификации. Что может быть чудесней!

И вот она, Губаха, — небольшой шахтерский поселок на горно-западной железнодорожной линии Пермь — Усолье. Домики шахтеров раскинулись на склоне горы между линией железной дороги и излучиной горной рекой Косьвой. А на верху, по другую сторону линии, на вершине — вековая тайга с могучими кедрами и соснами...

Выяснившись перспективы строительства, занялся комиссар будущей станции — старый большевик, электротехник А. П. Якубович, а моя судьба решалась на месте. На всенародной конференции я была избрана секретарем Усольского уездного комитета комсомола и, как говорят наши дядюшки, «с головой ушла в работу».

Уездная комсомольская организация была немногочисленной. И, тем не менее, комсомольцы творили многое и славные дела, являясь самыми боевыми помощниками большевистской партии в возрождении хозяйства, в политическом просвещении масс, в строительстве очагов социалистической культуры.

В уездном комитете комсомола было всего два штатных работника — я и мой помощник Иван Середкин. Работа строилась на основе самоотдачи. Не было времени пересчитывать все, что было, и мы делали комсомольцам Усолья. Они спичивали молодежь из молодежной партии, добывали уголь и пильши лес, учли неграмотных и строили клубы, растели хлеб и ремонтировали дороги...

На Пермской губернской конференции комсомола я была избрана делегатом III Всероссийского съезда. Ехали мы туда не с пустыми руками, а с энтузиазмом, добытым кооператорами и молодежью сверх плана. Везли в подарок трудящимся молодежи столицы и хлеб, заработанный нашими деревенскими комсомольцами.

ТРЕТИЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД

Свой комсомольский путь я начала еще в 1917 году в Социалистическом союзе рабочей молодежи Петрограда. Участвовала в работе I и II Всероссийских съездов, находилась в составе делегации I съезда, которая в ноябре 1918 года посетила В. И. Ленина в Кремле.

Все это были огромные события. Каждый из этих съездов занял свое особое место в славной истории Ленинского комсомола и звездился в память его участников. Но поездка на III Всероссийский съезд очень волновала меня. Под стук колес и песню я думала о съезде, о встрече со старыми друзьями, о Москве.

День открытия съезда, 2 октября 1920 го-

да, был пасмурный и дождливый. Но в памяти у меня остался солнечный и яркий. Задолго до открытия съезда большой зал тогдашнего Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова был заполнен до отказа.

На улице и лестницах были выставлены дозорные, чтобы встретить вождя. Но они провалялись. Ясно запечатлевалось в памяти, как вдруг в зале неожиданно началось движение сцен и раздались радостные крики: «Ленин! Да, на сцене улыбаясь, стоял Владимир Ильич. Высыпал движением он сиял кепка, шарф, пальто. Зал гремел овациями, радостными криками:

— Ленин! Да здравствует Ленин! Да здравствует большевистская партия!

Владимир Ильич настойчиво показывал на часы и просил нас успокоиться. Водворилась тишина.

Некоторые делегаты постарались сидеть не на сцене, чтобы быть ближе к вождю и лучше его видеть.

Владимир Ильич, осторожно обходя сидевших на сцене делегатов, подошел к самому краю сцены, внимательно взглядел в наши полные оксидации лица и негромко заговорил о задачах Коммунистического союза молодежи.

Чтобы построить коммунистическое общество, говорил Владимир Ильич, мы должны создать мощную промышленность, опирающуюся на самую передовую технику. Необходимо преобразовать на коллективных началах труд крестьян, оснастить машинами сельское хозяйство и поднять земледелие на такую высоту, чтобы получать изобилие продуктов. Все это невозможно сделать без знаний, без науки. Поэтому молодежь должна прежде всего овладеть знаниями.

Всем речь Ленина в зале стояла полнейшая тишина. Его негромкий голос доходил не только до уха, но и глубоко проникал в душу каждого.

...Шли годы. Окрупнение речи становилось задачей, которую Ленин оставил перед нами, страной, которая преобразует новый мир, мы снова и снова вдумывались в каждое слово программы речи вождя, ее определяли нашу дальнейшую работу и жизнь.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

После съезда я не вернулась в Усолье, а по заданию ЦК комсомола поехала в освобожденный от врангелистов Крым, чтобы участвовать в воссоздании комсомольской организации.

Потом я работала в Москве, в Петрограде и других городах, затем на Ленских золотых приисках. Учились, снова работала, и вот пришло время, когда государство предоставило мне заслуженный отдых.

В этот год, корой лет спустя, я решила снова поехать в Пермскую область, посмотреть, как выполняются ленинские заветы, как живет молодежь в памятных для меня местах.

То, что я увидела, с чем столкнулась, назначенному взволновало меня. Некогда промышленно отсталый район превратился в индустриальный край. Здесь прекрасно развита

и металлургия, и химическая промышленность, и лесное производство.

Только за полтора года семиетки области выдала сверх плана тысячи тонн металла. Мне сказали, что к 1975 году по сравнению с 1958 годом производство чугуна увеличится в 3 раза, стали — в 1,6, проката — в 1,5 раза.

А какие удивительные люди пришли нам в смену! Дмитрий Обыденный. Имя его известно здесь всем. Это знаменитый вальцовщик. Недавно ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

А Люба Бакина, первопроходец бригады коммунистического труда на Кунгурском кожевенно-обувном комбинате? Только за пять месяцев этого года Люба скакомила столько материка, что из него можно сшить еще восьмь пар сапог. Но девушка не только работает, а и учится. Люба скоро окончит кожевенно-обувной техникум.

В области 120 тысяч бригад из коммунистического труда. Но сейчас уже не только отдельные рабочие или бригады соревнуются между собой. Вступили в борьбу за почетное звание коллективов коммунистического труда целые предприятия! Недавно, например, решили начать соревнование известные в всю область заводы имени Дзержинского и Орджоникидзе.

Наша страна ушла из поколений антиутопистов, людей бескорыстных и честолюбивых. Вот имена некоторых из них: губахинский шахтер Иван Абрамов, соликамский горняк Николай Ткачев, добрянский лесозаготовитель Афанасий Кондаков.

Эти люди расстались с товарищами, с привычной работой, с неплохим заработка и перешли туда, где все надо наливать钊нову. Пермские гагановцы — люди большой души и воли...

Я ездила по старым, знакомым мне еще с юности местам, и все меня радовало: замечательные люди, громадные заводы, благоустроенные города.

Первая встреча с молодежью состоялась в Березниках. Это один из самых красивых новых городов на Урале. Там есть развитая промышленность. И люди здесь красивые — смелы мыслами и делами. Взять хотя бы Аню Санинкову, руководителя одной из смен взлетнотукового завода. Рабочие послали ее в Москву, на Всесоюзный слет ударников и бригад, борющихся за звание коммунистических. Она заслужила это.

Встреча проходила в красном уголке, уютного и чистого общежития магнитного завода.

Я рассказала собравшимся о Ленине, о III съезде комсомола, о великой программе, оставленной Владимиром Ильичем. Потом мы говорили о новых задачах, которые поставила партия перед комсомолом и молодежью.

Когда я кончила, послышалась восторженная аплодисменты. Потом стали рассказывать о семье Владимира Ильича, более подробно обрисовать внешность Ленина, обстановку его домашней жизни...

Я говорила, с радостью глядя на тех, кто так твердо держит в своих руках эстафету поколений.

Много было у меня интересных встреч в Березниках, Кизеле, Губахе. Всюду я видела готовность молодежи учиться, работать и жить по ленински, по-коммунистически.

Да, хорошая смена растет. И это радует мое сердце, сердце старого коммуниста. Я вижу, что молодежь с честью стоит на вахте семиетки, делает все для приближения коммунизма, живет так, как того хотел Ильич.

К предстоящей декаде украинской литературы и искусства в Москве.

Участники Государственного ансамбля танца УССР.
Фото М. Муразова.

Ангола
подождаем
шоды

Рисунок В. Шистко.

За водой обычный теплоход
исследует плавучий морозильный
ледокол доставки мазута.
Атомному гиганту для этого
достаточно топлива, которое
легко поместится в маузен-
ковой бани.

За бортом не морские волны, а атомные обогревательные
панели, чуть припорошенные
снегом льда. Но атомный ве-
ликан идет, как по откры-
той воде. Курс — к высоким
широтам.

Сложна и ответственна ра-
бота дозиметристов. Юрий
Грунгин и Василий Серов
проверяют радиационный при-
боров в одном из отсеков
реактора.

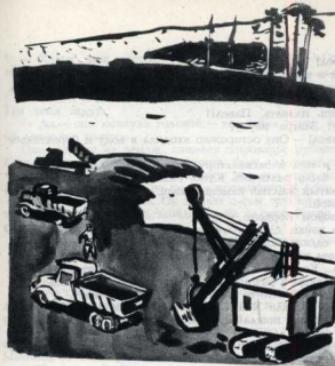
Сейчас с этого самолета
сбросят долгожданный вызов.
В нем не только
обязательная карта ледовой
обстановки, но и письма, га-
зеты, журналы...

У пульта управления атом-
ным реактором — инженер
В. Коротеев

В штурманской рубке. Опыт-
ные моряки — судоводители Але-
ксандр Калинин и Геннадий
Перельман — прокладывают
курс.

Над рекой Кизир

Владимир АМЛИНСКИЙ

Рисунки Р. ВОЛЬСКОГО.

РАССКАЗ

Солнце пропитало тайгу, оно было в скалах, в земле и в машинах. А внизу, под скалами, текла зеленая река Кизир. Она одна во всей тайге, во всем мире была холодная. Солнце не послевало за ней.

В горячие эти дни межколония № 7 подошла к Кизиру. Павел работал на «землеройке». Он был голый, но пояс, на ногах сапоги. Рынги его хорошо слушались: дернет — и конь открывает белый рот, словно улыбается. Голова его блестит, словно усыпана роза.

Быстрая роза кинется к земле, глохнет ее и бросает в кузов подъезжающего самосвала. Земля ржавая, твердая от камней. Она растекается по пустому днищу, камни глухо стучат о борта.

У самовсала постепенно вырастает горб, круглый, скользкий, забитый. С верхней ложбинкой самосвала стечено отходит. На очереди следующий.

Водители любят работать с Павлом: с ним простое не бывает.

Ровно в два часа для Павла выскакивает из кабины экскаватор и спускается к реке. Он смотрит на блестящую воду, шуршит и радостно, овсюженою видом. Затем аккуратно разматывает портники и на крыльях ими сапоги: чтобы не сохли, — солнце палит.

Павел подходит к воде. В зеленоватом зеркале он видит свое широкое, довольно загоревшее лицо, раскосые продолговатые глаза и свою удачу. Где-то в глубинах этой воды, отводят ее руками, словно обслуживают, а потом ложатся на спину и бесшумно плавают.

Над ним течет лебо — огромная река; вершинам Саян кажутся ее берегами, облака — волнистыми.

Павлов становится совсем хорошо, он поет. Он поет горденно, по-своему, по-хакасски. О чём песни? Павел толком и не знает, слов в ней почти нет, одни мелодии. Как будто так: человек идет по степи и находит ручей. Вода в ручье ходит.

Павел долече писно — и к берегу. Перерыв кончается.

А в это время к реке подходит геологи. Они шумят, спаскаются с собой цветастые пропотевшие ковбойки, кидают в реку камни. Они работают недалеко от Павла. Они нищут здесь, где он тоже не знает. Он только слышит шум бурого стока... У геологов свои дела, у Павла — свое.

Из всех геологов Павел знает только Катю. Геологии кидаются, а она сидит на берегу. Весь берег в ковбойках и вывалившихся полотняных штанах. И одинаковая фигура Кати.

— Что сидишь, что не плаваешь? — спрашивает ее Павел.

— Во-первых, простились, — говорит Катя. — У меня трипп, понимаешь?

Павел с ласковой укоризной качает головой. Такая жара, и простишь. А я! А я! Лицо у Кати беленое, затар желтоватый, лесной, а волосы выброшен крепко. Почти седые волосы. Таких светлых волос Павел никогда не видел. Ему хочется чем-то помочь Кате, и он говорит:

— Учитесь плавать! Плавать надо. Учитесь. Со мной тонуть не сможешь.

Павел старательно, медленно вытирает русские слова.

— Я сама учусь, — убеждает Катя и убегается.

Она не знает, что он никогда не решится учить ее плаванию. Он смутился, как школьник.

— Что ж, давай уч... Правда, я простыла... Но клин вышибают клином.

— Верно. Верно ведь?

Павел серьезно смотрит на нее.

— В другой день. В другой обязательно. Сейчас машины ждут, задержка будет.

На лицу у Кати огорчение.

— Всегда тебе кто-нибудь ждет. То машина, то еще что-нибудь. Ты уж такой.

— Нет, я не такой, — говорит Павел. Он смотрит прямо в Катину веселую сплетенную глаза, блестящую, точно река Кизир, и задумывается на мысли о Кате. Катя, не такой.

И словно подводят итог всему их короткому разговору, говорит:

— Зантра будешь?

— Конечно, как всегда.

Павел кивает ей, отходит и взбирается наверх. Его медленная большая спинка постепенно сливается с ряжими скалами. И только крепкий, уверенный голос его машинист сообщает тайге о том, что перекур у строителей кончился. И словно подчинившись этому кличу, выходят из берегов, торопливо одеваются и спешат к своим бурям.

А затем все вместе — и Павел и геологи — наваливаются на тайгу, и, хотя они маленькие, а тайга бесконечная, она обнимает от их ударов,

делает трещины и стоит так, что слышно от Красного Кордона до станции Кошурниково.

Вечером Павел заходит в женское общежитие. Как всегда, ждет его Аня.

— Чай заварю! — обрадовано говорит она.

— Адрио.

— В клуб пойдешь? Адрио?

— Адрио.

Они разговаривают по-русски. Во-первых, неудобно говорить по-хакасски, когда вокруг русские, во-вторых, Павел хочет, чтобы она получила знания русский язык.

Аня заваривает крепкий земеный хакасский чай, и вместе с ними его пьют Женя — дочка прорыва медсестры. Они пьют из кружек. Кружки щербатые, потешные, у них кисловатый металлический привкус, и от этого чай теряет запах и цвет. Его полагается пить из шаша. Но на Павла, на Ани это не смутило. Они уже привыкли.

Потом они идут в кино. Ана тащит его во второй ряд: она любит сидеть близко к экрану. Когда раздается сухой щелчок аппарату и из проекционной камеры протягивается к экрану белый луч, в котором, точно мирабри в микроскопе, шевелятся пыльники, Ана замеряет.

Но прежде она берет Павла за руку. И только потом замирает на месте до конца фильма. Рука ее теплая, плавная, но пересыпана и твердая. От жары она становится влажной. Павлу нутр не от себя от этой теплоты, прилипнувшей к нему руки, но он ни за что в жизни не отодвинет ее.

— Его убьют, — по-детски плачевно говорит Аня. — Одно огорчение.

— Живой будет, — говорит Павел. Ему скучно в кино.

— Правда живой? — уже немножко кокетничая своей «детскойностью», шепчет она и искоса поглядывает на Павла.

— Конечно, живой, — Ханис, — нехотя говорит Павел. Он зовет ее по-хакасски — Ханис.

Лента трепещет, рвалась, чертишки скакали по потолку, и в задних рядах топали ногами и кричали «Саломончики».

Когда Павел выходит из кинотеатра, он чувствует в себе некоторый поиски, выходящий из страха перед дорогой и шагом по пыльным. Шашы были черные от креозота с застывшими капельками, точно они вспотели от непосильного труда. И на Родине сидела какая-то нарочка. А дальше поглотило образы, и у реальности кружились жесткая, шуплая трава.

Там, за шашами, лежала большая земля, по которой ни разу не ходили поезды...

Павел молчал, а Ханис громко и возбужденно говорила. Ей было семнадцать лет, и все в мире ей очень нравилось. Она родилась в том же улусе, что и Павел. Павел вернулся туда, отслужив три года в армии, и скоро ушел на стройку. Свой первый отпуск он провел на родине, и с приехала обратно вместе с Ханис. На стройке решали, что он собирается жениться.

— Смотри сядьбу не зажми. А то все потихоньку делаешь...

Павел сидел, смотрел в потолок. Планеты. Там, впереди, висели плохо, здесь — хороши. Отец, матери не имеет. Пусты работает.

Они договорились с бригадиром, ее взяли в подсобные. Адай койку в палатке, белые, полотенце. Через полога она вычесывалась из бетонницы, получила разряд. В Красном Кордоне постепенно привыкали к их вечерним прогулкам, к гордым коротким разговорам, к тому, что они имеют. И только однажды подынникавшим водителем из 7-й межколонии Егором подошел к Павлу и, понизив голос, сказал ему доверительно и лукаво:

— Маломощку завел себе, хитреч... Вот кидер! А ведь тихий...

Павел побелел, тяжело сгреб руки, как молот, поднялся над головой Егорова. Но затем он враз успокоился, сплюнул с отвращением и отошел. На этом говорили о Павле и Ане в паспорте комитета.

Мы работаем, — Павел. Кончики кистей засасываются в нее, поднимаются ряженые пальцы и скользят пальчиком блестящим виной реки. И Павел думает о том, минуте, когда блазни успытает ее чистый запах, опустит ее кусок, горячковатый от холода, от смолы деревьев, которые сплачивают каждый день палогомы. Темо заломят от холода, он перевернется на спину, и поплынут над ним Саяны и небо, крепко скваченные горами с двух сторон.

Так все и было. А когда он выходил на берег, то видел геологов, спускающихся к воде. Никого из них он не знал по имени, но уже каждого отличал в лицо. А лучше всех из них он знал Катию. Она махала ему рукой...

— Эй ты, Павел!

И он отвечал ей и тоже приветливо размахивал рукой. Она была в жемчужном купальнике, и он отводил глаза, не мог смотреть на нее в упор.

— Кто научишь плавать, Павел?

— Скоро научу! Завтра научу!

— Торопись, Павел! — Она осторожно входила в воду и барабахала на мелководье.

Павел одевался и шел к экзекуции. Заведя мотор, он смотрел на берег. Уже трудно было различить Катю. Размером она становилась с камешек, прололговатый желтый камень-голыш, гладко, до блеска обкатанный горной рекой...

Вечером на Красном Кордовы танцы.

Павел лежал на койке, слушал музыку. Палатка сумрачная, пустая, вней остро пахнет одеколоном. Перед кино ребята не бреются, а перед танцами всегда. Павел заснул. Музыка там, вдали, и тишина здесь, в палатке, услыханы его... Когда он открыл глаза, увидел, что стемнело. Музыка стала громче. Танцы в разгаре. Он повернулся и почувствовал, что спина от тела ее покрывающего было склонена, приближаясь к нему.

Ты спи, — тако сказал Ханыс. — Я тебя сторожу!

— Почему на танцы не попал? Весь посыпал там, а ты здесь.

— А ты тоже здесь...

— Я — одно, ты — другое. Ты молодая, танцевать должна.

— Я не умею, — сказала она.

— Девушку надо уметь.

Он встал, надел чистую рубашку, взял Ханыса за руку и повел к танцплощадке. Там он нашел своего соседа по палатке Колю, москинича, сменившего мастера. Коля умел танцевать любые танцы. Кое-кто называл его даже «стилягой». Это не смущало Павела. Он подвел Колю к Ханысу.

— Танцуешь с Аней? — сказала он. — Ей танцевать надо...

— Как так надо! — удивился Коля.

— Где? — сказал Павел.

— Можешь поверить, Коля перенесенно рассказывал перед Ханысом.

— Прощу!

Сна мозгах, не двигалась с места.

— Ну! — строго сказала Павла.

Она исподлобья смотрела на него.

Коля стоял, повернув голову к танцплощадке. Он уважал Павла и поэтому ждал.

— Иди, иди, — тихо говорил Павел. — Я не уйду. Тебя ждать буду.

Москин Коля, улыбнувшись, взял ее под руку и галантно повел на танцплощадку. Она шла покорно, несмешно. У самой плошадки она оглажнулась и поисками Павла глазами. Он ждал ее. Все было в порядке. Можно было танцевать.

* * *

Павел любил утром — особенный острый воздух, воздух кедра, пихты, еще не успевшей нагреться свежей земли. Утром только успевший поворачиваться. Нагретый, одну машину — уже пыхтит рядом вторая. Словно огромная просыпаясь ладонь — пустое днище кузова. Грехот, пыльца до небес, а он, веселый, поет и двигает ритмы.

Он любит утром часы за проходом, за то, что мускулы не растрепали еще ни грамма своей силы, они издаются мотивами блестящими щаром, на них еще нет никаких ленточек вен. Это будет днем, когда налетят на тайгу энти и руки отражают вен. Снова огромная просыпаясь ладонь — пустое днище кузова. Река пахнет сосновым соком и потенциальным холмом глубины.

Павел смотрит на берег. Пусто... Почему-то нет геологов. Павел кувыкается дальше обычного и затем плавает назад. Геологов не видно. Павел вылезает, надевает резиновые сапоги, забывает навернуть портнихи. Ай-ай-ай, усиленно качает он головой, какой забывчивый! С ним такое редко случается... Пустота... Пустота... Только наверху, в выемке, стоит его машина. Неясная тревога чутко сашконою в сердце. Он поднимается вверх медленно, как будто устал за эти короткие минуты.

Павел, — слышит он за спиной. — Павел!

Катя сидит на берегу. Одежда ее приподнята. Павел мчится вниз.

— Ну где? Учиться будешь, а? — с хриплой волнения говорит Павел.

— Это просто, как два раза два.

— Как дважды два, — поправляет Катя.

— Как дважды два, — повторяет Павел и смеется.

Вряд ли он решится учить ее плавать, но разве в этом дело? Теперь все в порядке.

— Это, конечно, просто, но ты опоздал, Павел. Я же говорила тебе, что ты опоздал.

Павел с недоумением смотрит на нее.

— Я уезжаю, Павел... Я уезжаю насовсем, понимаешь?

Павел молчит. Он чего-то не понял. Он не понял, как это «насовсем».

— Мы все сделали здесь, — говорит Катя. — Нас перебрасывают в другой отряд. А сейчас — домой... В Ленинград. Ты был когда-нибудь в Ленинграде?

Павел качает головой.

— Если будешь в тех краях, обязательно заходи...

Она пишет на клочке бумаги свой адрес. Карапандаш нет, она пишет помадой.

— Нет, — говорит Павел. — Не надо.

— Почему? Ты не хочешь в Ленинград? Может быть, Ханыс не пустит тебя в Ленинград?

— Откуда она знает про Ханыса? — думает Павел. — Кто ей рассказал про Ханыса?

— Ханыс ми сестра,— твердо говорит он. — Она — сестра, пини-
машый Ханыс здесь ни при чем.
— Так в чём же дело?
— Там я тебе не нужен. Там нет реки Кизир. Там я тебе не нужен.
Там тебе ждёт.
— Да,— она кинула головой,— там меня ждут. А плавать все-таки
ты меня не научил.

Она садится на землю, снимает шаровары, рубашку и идет к реке.
Катя плачет у склонного берега, блед ладонями по воде, разбивает
земное зеркало. Ей весело, оттого что она едет домой; ей холодно,
оттого что она вспомнила не смела прыгнуть к реке Кизир.

Павел стоит на мосту. Он думает о том, что впервые разу он назвал ее по
имени. Они встречались каждый день у реки Кизир, и ни разу он не
сказал ей «Катя».

— Катя! — громко и горячо говорит Павел. — Катя!

* * *

Позже обычного Павел пришел сегодня в поселок. Руки устали, бо-
лят. Вокруг обычному он мается вскоре и тихо, без фырканья, без ве-
седого шума.

— Что, притомился, друг? — сочувственно говорит Коля, москвич, тот
самый, что учил Ани танцевать. — Ну и работал ты сегодня — как зверь!
Машкин от своей колпаки так и отскакивал. — Он поширешился хло-
пает. Павел покраснел.

Павел мочался ложиться на койку. Он чувствует тяжесть своих, словно
разбухших, рук и ног. Невыносимо скрипят новенькие ботинки москви-
чи. «Только бы заснуть», — думает Павел. — И чтобы сразу застрипший
К работе. И больше ничего.

Вечерние звуки — там, за тонкой полотняной струнной палатки — вышли
на улицы Красного Кордона, даекие от Павла, привычные вечерние звуки.
Тархатих гуловник, привезенный тоннельщиками, по радио читали
последние известия, кто-то смеялся. Это были тихие, понятные звуки
поселка, только начинающего отдахаться после трудового дня. И в этой
тишине Павел слышал самого себя, свою боль. Поэтому он хотел, чтобы
сразу пришло застрипшее утро, когда шум и горячка работы отдалил
его от этой боли.

Павел встал, вышел из палатки. Он не привык ходить медленно и
бесцельно и поэтому шагает широко, устремленно, точно спешит весту
куда-то.

Бинзук лежит тихий вечерний Кизир, спящий, потухший. На том
берегу на круглых невысоких горах растут пихта и сосна. Но издали
кажется, что это просто мох. Павел идет над берегом реки.

— Павел! Павел!

Его догоняет Ханыс.
— Ты почему не зашел? — тихо и тревожно говорит она. — Мы пили
чай без тебя. Ты заболел, Павел?

Как ей ответить? Павел молчит. Он не знает, как ей ответить.
— Может, пойдем в кино... Сегодня в клубе кино...

— Я не хочу... Я устал. Больше мы не будем ходить в кино, — говорит
Павел. — Ты одна...

— Одна? — удивляется Ханыс.
— Одна! — тихо говорит Павел.

— Аддо, одна, — покорно говорит Ханыс и идет к поселку.

Она идет ровно, степенно, она идет покорно, и это самое главное. Она

спускается его. Издали она кажется ему совсем маленькой. Издали ему

кажется, что он не должен так отпускать ее. Ей снинадать лет, ей

нельзя быть одной. Он погорячился. Он догоняет ее.

— Прости, — говорит он.

Они счастливо и нежно улыбаются. Больше ей ничего не надо. Они
идут в поселок, в клуб, и Павел думает о том, как сделать, чтобы она
была счастлива.

ВСТРЕЧА

В пыли и в скрежете железы,
Где роют котлованы для ДОС,
Там экскаватор, землю
изрезав,
Случайно в давний век залез,
В сырьих потемках у планеты
Два века встретились в пути.
С ковша посыпались монеты,
Наиним, словно конфетти.

ОСЕНЬ

Не таково —
Поницкий и горький,
Увидавший на глазах —
Вижу осень в комбайнерах
С колоском в лилиевых
волосах.

Вот она стоит у штурвала.
Пусть усталость,
Пусть ветер лей.
Лес виност с осин алье,
Как изменена,
Навстречу ей.

ЦВЕТЫ ПОДО ЛЬДОМ

На сером граните
Зеленая нациль,
Между каминами
Полярные маки
Тянутся к свету
Прожилков кажды...

Хмурым утром
И волел огнедыঃ
Туман опустился
На стылье земли,
Густо окутал
Тонкие стебли,
Но листья осела
По капле воды, —

Маки покрылись
Коростю льда.

Время упрогое,
Время такое,
Что не хочу я
Чела и покой.
Вздохи героя,
Пово о нем...
Маки!
Маки цветут подо льдом!

* * *

Мудрая, седая,
Получала Русь:
— Не смейся —
будешь плакать...

А я не боюсь!
Я шагаю, меррю
Север, Юг.
И совсем не верю я
Мудрости старух.

Бунтуй,
работай, сердце!
Радуйся
стучи!

Ты видишь,
уже сердятся
Тихони-покачки.
Проползают, крадучись,
Рассерженная горстка...

Сердце!
Видишь, радуются
Ребята диногорские.
Поставили недавно
Точки в сочинениях.
Плотину подавай им
Поперек

зечения.
Солнце электрические
Зажглись по их велению.
С ними

я в лирическое
Бросаясь
наступление.

СИБИРСКИЙ ХЛЕБ

Побитый раза Кучума
На северных речах кочует...
Умирали казаки от голода,
Не от тутарских стрел.
Лопадийские брата обглядывали,
Новый день черепами смотрели.
Тех, кто здесь положил свои
кости,

К Иртышу выбросили за тын.
Там на желтом яру,

на погосте,
Каждый день прибывали кресты.

Ржи пять мер еще у
ватахников,
Но Ермак повелел:

— Не трожь! —
И смотрели глазами

влажными
казаки на яругу рожжь.

Дай им волю,
в горло — котыни.

Перегрызались бы, как зверье.
...Голод — голodom.

Смерти — смертями.

Ну, а жизни?

Той отдали свое...

Задыхались под солнцем
проталинам,

Выступают степенно сини.
И совсем как за дальными
дальями,

Зажурчали
по-русски

ручьи,

Под землей шевелянулись

травы,
Душно стало им под землей.

Атаман корынным оралом
Опроинул суглинистый слой,

Выходил бороду старательно,
Знал, что делов знати святым.

И уже не бойся —

орателя

Вдохновенно следил за ним.

В первый раз за камнем
Уралом,

У Искеровских древних стен,
Рожь пригласа,

рожь бушевала.

И навек
не мечу,

в оралу

Распахнулась сибирская степь.

Теогний Абдышев

ОСОБАЯ ИНСТРУКЦИЯ

Когда в дверях появился штурмбанфюрер Шидловский, гауптман Готинг-Зеебург был занят изучением особой инструкции, присланной из Берлина. Речь шла о специальном подразделении «Седая голова» и о задачах, которые ставило перед ней верховное командование. Главное заключалось в том, что «Седую голову» надлежало укомплектовать русскими.

Гауптман Готинг-Зеебург дважды прочитал это место. Нет, он не ошибся: «...из числа людей русских, немцев, украинцев и белорусов», — говорилось в бумаге.

— Как вам это кажется? — сказал гауптман, указывая рукой на кресло. — Оказывается, предстоит на Восток, немцы должны еще создавать русскую армию!

— Для меня это не новость, — вымолвил Шидловский после минутной паузы.

На лице Зеебурга появилась скептическая гримаса.

— Подождите минутку, — сказал он, — сейчас дочтите и передадите мне это послание. На деское, тогда вам будет веселее жить на свете. Взгляд гауптмана обвел комнату. Стена, на которой висело сообщество, что формировать «русскую народную национальную армию» (РННА) будут под немецким контролем командир «Седой головы» Сергей Иванов и его заместитель Игорь Сахаров. В приложении Готинг-Зеебургу предлагалось периодически высыпать особые донесения о ходе формирования «армии» и настроениях ее личного состава.

— Занятное дело! — сказал Зеебург. — Пропустил, если жалеете, сознаться.

Идея, родившаяся в Берлине, казалась ему не особенно реальной. Он думал о том, что не المشтаб бы этим аристократам из штаба верховного командования, чтобы они послали такое письмо в Россию. Возможно, они смотрели бы тогда более трезво на обстановку в тылу немецких войск. Но вместо этого младенчики, смеющиеся в Берлине, требовали присыпалки бесконечных отчетов.

Готинг-Зеебург терпеть не мог письмены. Он считал себя человеком дела. Об этом, по его мнению, лучше всего свидетельствовали сотни русских, расстрелянных и повешенных по приказам гауптмана. Теперь у него неожиданно появилась еще одна забота. Как будто и без того мало!

Вседе, как грибы после дождя, появлялись подпольные организации. Все говорило о том,

что советское партизанское движение вышло уже из младенческого и вступило в зрелый возраст. Требовалась контратака, вплоть до самых крайних. Именно так поставив вопрос гауптман Белоруссии фон Кубе. И если карательные отряды действовали под аккомпанементом пушек, то Готинг-Зеебург должен был вести борьбу беспощадно, но с максимальными результатами. Между тем полученная инструкция, по мнению гауптмана, могла отвлечь его от всех этих задач.

«Нет, — думал Зеебург, — положительно ее хотят не знать сложившейся здесь обстановкой!»

Вот почему ему хотелось узнать мнение своего собеседника, штурмбанфюрера «СС». Это был человек энергичный, неоднократно помогавший гауптману выходить из трудных положений.

Шидловский наконец поднял голову.

— Думо, что это весма ценная затея.

В глазах Зеебурга появился веселый блеск.

— Это яко, — согласился он. — Конечно, инструкцию прислали не для склажий окон разбитых вчера в казино. Опасась, тишина, что пока мы будем сидеть под армии, подорванные подложки мин под дном, в котором мы с вами сидим. Для этого потребуется значителю менье динамика, чем на новогодней феерверке...

Готинг-Зеебург имел в виду новогоднюю ночь, когда под Оришой взорвалась эскадра с боеприпасами, подший на фронт. Более 60 гауптманов взлетело тогда на воздух. Этот «новогодний скоприй» предположил немцам партизанская отряда «Лади Кости» — Константина Заслонова.

— Напрасно вы недооцениваете идею «русской армии», — Шидловский продолжал, не переставая смотреть на Готинга. — Русские против большинства! Что может быть, для нас лучше! Представьте, какой политический резонанс это вызовет. Это во-первых... Шидловский затянулся сигаретой и, не спеша, выслушав дым, продолжал: — А во-вторых, мой дорогой Зеебург, вы плохой стратег. Мы оденем наших «солдатиков» в советскую форму. Это отлично помогает при внезапных прорывах фронта и особенно против ваших обожаемых партизан...

— С вами, как всегда, трудно спорить, — Зеебург прошелся по комнате, остановился у окна и, глядя на мартовскую капель и часовою, охранявшимо здание оранжевого гостинца, спросил: — Но как же нам, впрочем, думать, может выбрать эту многообразную армию? Вам, налько, известно, что состоять вытынанки этих свиней даже на ремонт щоссейных дорог!

— О, не беспокойтесь! Я салыша в Берлине, что господи Иванов и Сахаров — опытные офицеры. Говорят, что последний в своем время полушил орден из рук самого фюрера!

— В таком случае хайль фюрер, дорогой Шидловский! Я чрезвычайно благодарен за свидение...

Разговор этот происходил весной 1942 года.

А вскоре в небольшом поселке Осниторф, раскинувшемся километрах в пятидесяти от Ориш, произошли значительные перемены.

Рисунок А. Калиничева.

ВОЛК И ВОЛЧОНОК

Мотоциклисты, сновавшие то и дело в Орше и обратно, штабные машины на центральном участке поселка — все свидетельствовало, что в Осниторфе разместился штаб какого-то крупного воинского соединения. К удивлению жителей, в штабе салышалась русская речь. Здесь всем спорожняк здесь седой, с одуванчиками лицом и мясистым носом поклонник и стройный голубоглазый блондин лет тридцати.

По-прежнему сложилась судьба людей, которых штурмбанфюрер Шидловский назвал опытными волаками.

Уроженец Петербурга, инженер, а затем офицер парской армии Сергей Никитин Иванов молчаливостью ненавидел Советскую власть. Сбежав после разгрома белогвардейских войск Миллера в Германию, он зарабатывал себе на пропитание, коляки и прочие жизненные блага, преподавая русский язык в разведывательной школе под Берлином, а по вечерам строил фантастические планы восстановления в России монархии.

В отличие от Иванова для Игоря Сахарова, сына денкенинского полковника, родина была новым родом. Активистом молодежи он был, унесен в Германию. Позже, уже в Париже, он окончил офицерскую школу.

С кем готовились воевать klein Sakhov? Ответ на этот вопрос дал фашистский мятеж в Испании. Сахаров, не раздумывая, кинулся к Франко и был зачислен в иностранную легию «Кондор». Юному авантюристу повезло: в боях под Барселоной удалось отличиться. На Сахарова обратили внимание. Он получил нескользящий орден. Шидловский не ошибся: один из наград ему вручил Гитлер. Карьера началась.

Вскоре немецкая разведка без труда привела Сахарова к своим рукам. В разведывательном и познакомился с Ивановым. Однажды в пыльном углере Иванов посыпал Сахарова в свои скрошенные планы. И хотя Сахарова было глубоко безразлично, что будет в России после свержения большевиков: монархия, анархия или и то и другое, — он был готов на любое предприятие, сущее деньги.

Когда фашистские полицейщики двинулись на Восток, старый волк и волчонок поняли: их час настал. Иванов предложил верховному командованию план создания «русской армии». План был одобрен. Его поддержали и в ведомстве редкостников Рейхсвера.

В здании польковников Иванов и Сахаров отбыли в Россию. Вместе с ними в Осниторф направлялись около двухсот отъявленных уголовников, прошедших специальные курсы вербовщиков.

Со смутным чувством предчувствия погадывала полковник Сахаров из окна мягкого вагона на неизвестные поля, пересекли, сожженные деревни. Вот она какая, его родина... Вот о каких бересклетах вздыхала мать! Она очень хотела, чтобы и к сыну перепала щемящая тоска по утраченной родине. Но парижские кафе-шантанты оказались сильнее бересклетов. Ночные кабаки, а

не родина манила Сахарова. Он был искренне убежден, что Россия — дикая, невежественная страна, полная неотесанных мужиков. Комиссаров надо ставить к стенке, а мужиков... Ворчом, о них Сахаров думал меньше всего.

Чокнувшись с Ивановым «за матушку-Россию» французским коньком, Сахаров вдруг подумал о том, что, как знать, может быть, Барселона — это только репетиция, а премьера будет в Москве.

Сынко замкнувшийся Иванов, наклонился к Сахарову и болезненно тянулся на зевра, купе, вероятно забормотая: «Пустыня немчура набегает большими морды. Самы, небось, тоже повалюхнутся. А мы тут и предъявим им свой ультиматум...»

ПЕРВЫЙ СЮРПРИЗ

ЛЮБОД ДЕЛО ПОКАЗАЛОСЬ СОСУСОМ ТЕМ, КАК ГОЛОВОМЫСЛЫ. Приезд руководителя «Седой головы» ознаменовался тем, что начальница школы боялась, в котором разместился немецкий батальон, отведенный на отрыв от передовой. Началась беспорядочная паника, солдаты бегали в одном белом, истекающем пота: «Партизаны!»

По этому поводу Иванов снова написал и обявил, что надо срочно устроить облаву и пересечь всех партизан. Но Сахаров отсоветовал.

Предпринимать самостоятельные и тем более

последствия действия против неизвестно где скрывающихся партизан было рискованно. Неудача может вызвать разнос со стороны Готинг-Зеербурга. Сахаров любил действовать наизнанку. К тому же их главная цель — создание костяка армии. В том, что этот костяк в дальнейшем обрастет мясом, он не сомневался. Но, черт возьми, почему же мелодраматист верболово проходил мимо склонившейся в угол подхвостенной птицы, вылетевшей из бояло, у которой на уме только вода и бабы. И он выехал в Смоленский район, где был расположен ближайший лагерь для военнопленных.

Сахаров видел немало лагерей. Видел в Испании. Видео во Франции, Голландии. Но то, что было здесь, заставляло даже его содрогнуться. Раненые, больные, умирающие — все было вместе, все смешались, кишело насекомыми. Плененных расстреливали по маленину поводу, а то и вообще без всякой причины, просто так, ради забавы.

«Только последний идиот может отказаться от возможности выплыть спаской подозрительно», — думал Сахаров, осматривая бараки в сопровождении коменданта.

Он вызвал к себе человек десять. В комитат вспыхнул на помеху. Сахаров разрешил сесть, угодил сигаретой. Глядя, как жадно эззапуска сигаретой лейтенант, как блеснули его глаза, когда ему разрешили взять еще несколько штук, Сахаров решил, что с этим дело уже выяснило.

— Хотите хотят завтра уйти отсюда? — спросил он лейтенанта.

— Но понимаю, о чем вы говорите.

— Всего-то один день, — сказал, что Советская власть падет — отрывисто говорил Сахаров. — Московская сдвиг. Мы создадим новую русскую армию. Без болгарцев... Вступайте в нее. Завтра вам сократится. Понятно?

Лейтенант расстrelялся спустя полчаса. Из десяти человек только двое дали расписку в том, что добровольно вступают в «русскую армию».

Сахаров был растерян. Если так будет и дальше, немцы попросту плюнут на эту затею. Нет, не может быть! Он видел азартную психоглию. Жажда хочет каждый, а «русская армия» — это жизнь. Отказ — смерть. Все ясно как дважды два.

Но потом в течение нескольких дней он либо сама себе на том, что не может забыть лица лейтенанта, его голоса, скомканную сигарету. Он спрашивала себя: мог ли он поступить так же, как этот молодой офицер? И понимал, что нет. И не мог. Зачем? Во имя чего? Для того чтобы из машины, которая насчитывала 600 — 700 человек, Об этом стадио было докладывать в Европу. Они с Ивановым должны были, что же мэцци сформируют движение.

Но самое страшное было еще впереди. Однажды утром к Сахарову ворвались Иванов. — Вставайте, чорт возьми! Ушли мерзавцы! Целуй рота... к партизанам. С оружием!

Сахаров торопливо одевалась. Дело принимало неожиданный оборот. Выходит, что они готовят частки для партизан!

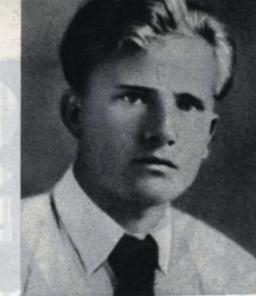
— Партизаны! — говорил Иванов. — Это дело их рук.

Если бы командир «Седой головы» знал, кто повинен в уходе роты...!

ОГОНЬ ОТКРЫТ

ВТОРЫЕ МНОГИЕ ИЗ НИХ НЕ БЫЛО ЕЩЕ И СЕМНАДЦАТИ. Родина открывалась для них все пути. За несколько дней до начала войны они слышали спрашивающим голосом: «Кому они нужны? Кому они будут?» Писали спаси... Война дала попкорк юношеских планов, перечеркнула мечты.

Стас Шмуглевский, Петр Калмыков, Мария Макаренко, Эдуард Малахович, Георгий Третьяков, Иван и Евгений Телемченко без колебаний решали: идем в партизаны. Но их ждало разочарование. Директор турбинного завода Григорий Гаврилович Амельченко категорически отказался взять их в ополчение, уходившее в лес.

Станислав ШМУГЛЕВСКИЙ, начальник подпольного штаба в Оснитфоре.

са. На них еще смотрели как на мальчишек. Отряд ушел без них.

Пусто стало на Оснитфоре. Пусто и тревожно.

Стоят завод, закрыты магазины. Люди застыли. Сидят по домам. Родной поселок, в котором родился, бегут к школе, где знаком каждый дом и каждая тропинка, кажется теперь каким-то чужим...

Когда-то в Оснитфоре был Шмуглевский зацеп Георгий Третьяков. Он подмыгнул: выйдем. Зинченко лес, что за деревенщина Шеки? — торопливо зашептал он, то и дело оглядываясь, хотя на улице, кроме них, не было ни души. — Я только оттуда. Там наша обоз с оружием оставил... Стойте себе один-единиценек. Чот будем делать?

В те дни как-то само собой получилось, что к Станиславу, бывшему секретарю школьной комсомольской организации, рассудительному рабкоровскому пареньку, сверстники, не стравливаясь, стали обращаться за советом. К нему шли, хотя организация формально распалась, а ее списки по распоряжению Амельченко были сорваны.

Оружие! Конечно, оно им нужно.

И вот наутро несколько человек во главе со Шмуглевским и Третьяковым отправились в лес. Шли напрямик, по чуть примятным тропинкам, известным только им да охотникам, присевшим сюда из Орши стрелять уток.

Огромные болота раскинулись вокруг Оснитфора. Говорят, что эти непроходимые места и привлекли сюда несколько веков назад крестьяне, бежавшие от боя. А в тридцатых годах эти же болота привлекли по душе инженеров: там были созданы крупнейшие в Белоруссии торфяные разработки, снабжающие Белоруссии Годзора в республике.

Оружие зарядили в укромном месте. Затем, ложащись темноты и прихватив с собой пистолеты, пулепет, патроны, ребята вернулись в поселок. А еще через несколько дней в жизни Станислава Шмуглевского и его друзей произошло событие, которое твердо определило их дальнейшую судьбу.

Оснитфор был разружен треском немецких мотоциклов. Человек десяти офицеров, распугивая утка, приехали к типичной купе и уткнулись в окно. Один из упомянутых немецких «порядков». Была солидная управа, назначен бургомистр, начальник полиции. Бургомистром называлась быть бывший начальник электротехники Трублиан, начальником полиции — Скварчевский из заводоуправления. Некий Пикарь стал писарем управы. Эта тройка с утра до вечера пынилась, а в промежутках Трублиан и Скварчевский пытались перебовать подицами. С этим делашли тут. Оьянченные властью, предмет избили людей, искали раненых, красноармейцев, прятавшихся в поселке, вешали.

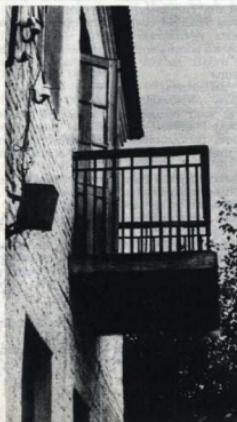
Комсомольцы разошлись. Кто-то убежал в лес, кто-то изменил место жительства. Один из них, который вечер полуничал бывшими бургомистром, начальником полиции и писарем, проходил мимо дома, в котором жили братья Телемченко. Здесь и устроили засаду. Ночью, когда на улице посыпалась пыльная головка, с балкона грянула пулепетная очередь. Писарь был убит. Скварчевский ранен, а Трублиан удалось бежать.

Окончание следует.

Эдуард МАЛАХОВИЧ, член подпольного штаба. Героически погиб в 1944 году.

С этого балкона стреляли в изменивших Родины Станислав Шмуглевский и его боевые друзья.

49 ЧАСОВ 25 МИНУТ

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Михайлова.

(Продолжение. Начало см. в «Смене» №№ 17 и 18.)

ВОСКРЕСЕНЬЕ 17.01

«Если рано утром весной пройти по городу, то не успеешь пластины через левое плечо, потому что все время дорогу будут перебегать кошки. Люся раз сказала: «Они как развеселые женщины». Я помню, у какого-то американского писателя есть рассказ про кошку, которая сидела под дождем, и про женщинину, которая смотрела на нее из окна гостиницы и плакала, потому что ей было жаль кошку, и еще, наверное, потому, что она сама не любила своих мужчин. И вот я тоже, будучи пытаясь холстину в самой себе. Поэтому и плакала. А вообще женщина всегда выдумывает себе причину, чтобы плачать. Особенно когда причинки никаких нет и быть не может.»

Мы спали часто сортируясь с Люсей. Я люблю ее очень — это уж точно. И например Маринку счено люблю и Колю. А особенно Люсю. Любая другая женщина кажется мне хуже ее. А мы все равно ссоримся. Она мне сказала: «Ты теперь знатный бригадир, а тебе пишут, тебе дают ордена, я теперь совсем даже не нужна тебе». И удивлялась сначала. Я не смог ей ничего отвечать. Что я отвечал? Я просто сказал: «Нет, ты такая же хорошая, Люся!» Она ответила: «Ты стала трубы. Ты неинтересна ко мне, потому что тебе неинтересно. Я уже пять лет никде не работаю из-за Маринки и Коли. А наше время не любят тех женщин, которые сидят дома. В наше время любят умных, работающих жен...»

Ну что мне было сказать? Что я люблю ее? Я это говорю каждый день. И каждую ночь, когда она рядом, когда я чувствую ее так, как чувствовала на Лозовой. А нам тогда было по восемнадцати лет. Это самое главное — любить женщину так, как любила ее в первый день. И я это же могу сказать ее губы, я хочу все это же быть с ней и чувствовать ее рядом. Близко к себе. Но Люся сказала: «Слушай, Саша, говорит, что я груб и невнимательен. Это ведь совсем неверно. Прясто я раньше думал только о твоей одной и еще о ребятахах. А теперь я думаю обо всех наших в бригаде. Я раньше так не думал о них, пока не начал свое дело ребята с Москвы-Сортировочной. Раньше мы просто работали и получали зарплату. А сейчас я должен знать, как соблюдать режим для Андреика. Я обязан знать это, потому что он здоровье очень тешит... Я должен знать, как дела у Ермоленко, не блефует ли он с четвертой речью? Кому же знать об этом, как не мне, бригадиру? И поэтому я всегда много думал, а когда много думал, тогда надо молчать, потому что слова всегда мешают думать. Может быть, я не прав, честно я знаю. Но ведь Люся должна понимать меня. Ведь если она будет понимать меня совсем, по-взросшему, тогда я еще больше буду благодарен ей за то, что она всегда и во всем со мной. А она ведь очень умная. Она никогда не говор-

ила мне, как многие женщины: «Куда ты уходишь? Что я буду делать дома? Почему ты идешь один?» Она понимает, что у меня есть друзья, что у нас есть сыновья, мужчины, разговоры — в шлаши и в субботу, во времена осеннего перелета уток или в хмурый летний день, когда особенно хорошо берет окуня в соре. И я всегда был очень горд тем, что она верила мне, когда я уходил, не оправдываясь унизительно, не испрашивая разрешения, не доказывая, куда ухожу, на сколько времени и зачем. И я всегда знал, что она верит в меня. Она все время говорит, что я груб. А я не груб. Я очень устал. Но я люблю ее по-прежнему, а может быть, даже и больше. Даже наверняка больше, чем раньше...»

Строкач сидел рядом с Сытиным и думал о Люсе. Сытин спал, положив голову на плечо Строкача. Во сне он часто стонал.

Перед тем, как снова взяться за ломик, чтобы пробиваться дальше к Андреику, Строкач тихо сказал:

— Когда нас откопают, я скажу ей все, что сейчас передумал.

И он вспомнил и ударил по породе. И снова стоял, считая удары:

— 2011! 2012! 2013!

Сытин проснулся и спросил:

— Ты как, Никита?

— Хорошо.

— Поспала?

— Поспала.

— Я что-то плохо выпалася.

— Почему?

— Не знаю. Просто никак не мог уснуть.

— А ноги не болят?

— Нет. Сейчас почти совсем не болят.

— Ну и ты хорошо. Я поработаю малость, а потом я сюда вернусь. И если я не могу, получится задремнуть по-хозяйски...

Строкач ударила ломиком по породе и подумал: «Нет, все-таки я ничего не скажу Люсе. Это может ее обидеть. Пусть лучше она сама все поймет. А ей нужно все понимать. Мы теперь в таком возрасте, когда нужно все понимать. И не только для нас с ней. Она должна понять, для Маринки и Коли. А это очень важно, важней всего на свете!»

ными копушами, которые никогда и ничего не могут толком сделать.

Аверьянов несколько раз смотрел на часы, стараясь хотя бы этим показать Новикову, как много времени уже прошло. Но тот сидел и спокойно курил, разглядывая при этом пепел.

Наконец, не выдержав, Аверьянов сказал:

— Леонид Петрович, время вышло.

Новиков покачал головой, осторожно страждуя пепла и ответил:

— Только восемь минут прошло. А я дал людям на отдых десять. Разре на восемь минут стадхонкни?

— А за десять?

— Еще как! Медицина точно утверждает.

Вы, между прочим, как-нибудь поборитесь. Присядьте, расслабьтесь и по часам засеките. Десять минут пройдет — вы весь обновленный будете.

Аверьянов слушал Новикова, не глядя на него и все более раздражаясь. Потом он сказал:

— Слушайте, у вас все-таки сердце есть?

Новиков затушил сигарету, хмыкнув себе под нос и ответив:

— Медицина утверждает, что без сердца люди не могут жить. Он поднялся, засияв спеловку и спросил: — Вы мысль простите, токарин главный инженер, а вам завалы когда-нибудь приходилось раскладывать?

— Нет, не приходилось.

— А я явношко шесть человек откопал.

Аверьянов посмотрел на Новикова и сказал:

— Простите меня.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 17.07

Начальник спасателей Новиков был человеком пунктуальным. Именно поэтому Аверьянову он казался медлительным, разинувшим и каким-то твердолобым. Вообще пунктуальные люди казались главному инженеру равнодуш-

Тот, помолчав, ответил:

— Ничего. Это все еруда.

После десятиминутного отыска Новиков спасателем:

— Товарищи, тут штука вот какая... Если вам к пострадавшим привезти молотки, суток семь пройдет, не меньше. А может, и больше. Здесь города монолиты, ее молотки не очень-то пройдены. Так вот, главный инженер предлагает отшлифовать породу. Помогите же, не спеша, по-умному, как говорится. Хотя это вам и меня прекрасно все известно. Теперь так: я думаю, перед тем как начнем падить, надо бы привести три небольшие школы, чтобы разобрать фундамент пошире. Итак, начинайте подготовку к взрывоудару. Ясно?

— Ёх! Ответили спасатели.

— Теперь, у меня к вам просьба, Иван Егорьевич — обернувшись к Аверьянову, сказал Новиков.

— Давайте ваши самых лучших проходчиков. Их карты в руки — бить штрафами.

Аверьянов бросился к клети. Он поднялся наверх, вышел на площадь перед рудоуправлением, и его сразу же окружили горячие.

Аверьянов заставил себя улыбнуться и сказал:

— Значит, вот какие дела, товарищи... Сейчас мне нужны Пустоловых, Фоменко и потом этот новенький, рыбий такой, здоровенный...

— Гордейчик! — сразу же подскакал Аверьянову.

Он, конечно, и пусть эти товарищи подберут себе помощников по вкусу, надо спрошти про эти три штрафы.

Первым к Аверьянову прыгнулся Гордейчик — рыбий огромный детина — с двумя помощниками, едва доходившими ему до плеча.

— Мы тут, — сказал Гордейчик девяничим голосом и покрасился.

— Хорошо, давайте вниз.

— Молотки там есть?

— Там все есть.

— Пашай, титаны! — скомандовал Гордейчик и тяжело побежал к рудоуправлению.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 20. 26

«Как там Петухов? Успел он спуститься в кверцовый и ему тоже завалило? — думал Строкач. — Может быть, я зря прогнал его. Ведаю боялся за Антона. Если бы узнал Антона, он бы рассиренел».

Строкач вспомнил лицо Петухова, когда тот спасался в колодне. Тот был жалкое лицо...

— Жалкое, вонючее, ошпаренное лицо...

— «Петухов» звал. А же же, добрым оно должно было быть? Ведь я удалил его. Все молодые замыкались, когда их боят, даже если за дело. А я же не должен был прогонять его. Надо было оставить его, а потом взять как следует в оборот. Конечно, противно, когда он веселился из-за того, что нашел самородок. Откуда это в молодых парней? И все же я плохо сделал, что прогнал его. Когда нас отключают, я размозжу его и вернусь в бригаду. Он молодой, его переделать можно».

Строкач услыхал, как вдохнула Антон. Он задохнулся тяжело.

— «У меня, какая парень! — подумал о нем Строкач, приложив размазанный дубинкой породу. — И добрые очи. Добрые и умные. Самое хорошее сочетание в человеке. С таким сочетанием или очень счастливым бывалют, или восстанными. Антон страстившийся; его все любят. Если б не он, пыл бы Ермоленко по-прежнему. А он Ермоленко стал на рыбаку с собой брат, в клуб с собой водить, тот и отык от четвертинки. Вот уж год, как не пьет. И все Антон. Как там Ермоленко! Неужели завалил? О! один и Петуховы были. Им там каково, если завалило... Нам с Антоном что. Вдвоем все напечено. А как он там один? И Петухова я зря послал. Стало бы отмереть врасплох. Я же посыпал, в резину. Это я плохой работодатель. Но он в бесконечности все же успел добраться до кверцлага. Ничего. Я его размозжу потом и вернусь к нам в бригаду. Только я с Ермоленко выбрались из колоды...»

— Никита, — нетромко позвал Сытин, — может, я тебя подменю?

— Погоди, придет время — подменишь. Слушай, — спросил Антон еще тише, — как думаешь, Ермоленко выбрался?

— Думаю, да.

— А как Андрейка? Думаешь, ничего? В порядке?

— Думаю, в порядке, — ответил Строкач, продолжая работать. — Думаю, в полном порядке.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

21 час.

Андрейка подумал о Марье Петровне, и у него затрещали губы. Она должна была ждать его сегодня в семь часов на площади. «Она теперь не просит мне», — подумал Андрейка, — ни за что.

Эта мысль была такой странной, что его дверь вновь перекатила минута жажды.

«Скажешь, что в замке сидел, — засмеет ведь... — думал Андрейка. — В замке только аураки сидят. А я и не сижу даже. Я стою, как стомб какой. И пить нечего».

Как только Андрейка подумал о воде, так сразу же в уши заступало это проклятое «Кап! Кап! Кап!»

— Кап! Кап! Кап!

И вдруг он услышал другой звук. Он услышал:

— Хап! Хап! Хап!

Андрейка замер. От этого еще сильнее задрожали колени. Он постарался расслабить колени, но не смог: сразу же начало сводить икру:

— Кап!

— Кап!

«Быть! Точно, быт! Может, успею? Тогда она не осердится. Хотя может то Чумазым-то не пойдешь, а помяться не успею все равно. А может, и не быть вовсе?»

Андрейка снова прислушалась. Нет, раньше этого «хана» не было.

«Не может быть! Рано еще. А она пуста тогда катится к чурти, если не поймет. Не могут мене еще отклонять! Рано».

В школе, перед тем как идти отучиться, Андрейка вспомнил оба себя, что извернулся «ханом». Он в глубине души был уверен, что получит не меньше четырех, но все равно заставляла себя думать: «Пара обессечена. Теперь мати волит будуть!»

Так и сейчас. Он верил, что его отыгивают, что это далекое «Хап! Хап!» — удары лома, но он все-таки старался думать, что это ерунда, еще рано, не может быть, чтобы его так быстро отклоняли. Он боялся поверить, что его уже отклоняют, хотя ему очень хотелось в это верить.

Андрейка вспомнил, как в ресторане один дядька, пьяный и добрый, говорил: «Богемы и молодежь — это богиня всякой мерзости».

Так, Андрейка, — это богиня всякой мерзости? ему хотелось быть галантным перед Марьей Петровной. А сейчас, вспомнив эти слова толстого пьяного человека, он здруг понял их смысл. И Андрейка, жестоко опиравшись, пропах:

— Вот ведь гад!

И он перестал заставлять себя выдыхать, — всхлип, отворяя: «Это меня откладывают...» — решил он и громко закричал:

— А-а!

И сразу же сквозь толщу породы до него донеслось еле слышное, но также же радостное:

— А-а!

— А-а! — завопил Андрейка что было сил. Всю уже не так хотелось пить. Какое там пить! Всю рядом люди! А какая может быть жажда, если рядом люди?! Напиться можно будет совсем скоро, наизверг!

— На площади... — пропела Андрейка. — Я на myself на площади. Там газировка хорошая, лимонная. Больше такой нигде нет. Ее, говорят,

газировщик Арон на Таежной улице сам делает. А может, еще время не пришло ей идти на площади? Черт, в самом деле, сколько я тут простоял? Может, она еще и не думала идти на площади?

И Андрейка теперь уже просто из баловства закрикал:

— Па-де-де! Жмите скорей там! У меня ноги трясутся!

ВОСКРЕСЕНЬЕ

23. 15

У Гордейчика, когда он налегал всем телом на отбойный молоток, сразу же начинали трястись продольные мышцы спины. Он был весь мокрый от работы, и потому на спине тутие, набухшие мышцы вырисовывались особенно четко. Когда Гордейчик опускал молоток, чтобы обронить породу из-под ног, его огромное тело обмакивало и словно бы умывалось в размежах. Пока он работал, на спине вились белые волны, вышибаемые коленями. Пока он работал, на спине вились белые волны, вышибаемые коленями.

Чем дальше Гордейчик проходил шагом, тем сильнее на него набухали мышцы на спине и тем чаще он плевал себе на ладони, чтобы не болели бугорки от непрерывного соприкосновения с металлом, скользя тяжелым. Рукояткой отбивного молотка кажется скользкой и тяжелой во время работы из-за беспрерывной тряски.

Гордейчик работал на износ — откладывавши смычки, без отыска, — и поэтому бугорки на ладони затвердели все больше и все больше болели надсадной, тягучей болью.

Начальник спасателей Новиков заполз в штольню Гордейчика, чтобы осмотреть срез осевин породы. Он сдала для себя пометки в блокноте и занес эти пометки в схему, кото-

ругу ему для Аверьянова. Он хотела было вернуться в квартал, но, взглянув на Гордейчика, невольно заболтавшись его работой. Чтобы удовлетворить Сытина, Новиков леж на живот и, подперев голову кулаками, несколько минут краем наблюдал, как работает Гордейчик. Потом, осторожно поглядев задом, он выпал из штоллы, размыкал Аверьянова, который изумлен чор пород, в двух других штолльных, отозвался его в сторонку и сказал:

— Послушайте, Иван Егорович, хотите посмотреть настоящую работу?

Аверьянов понимал, не понял его, а потом, рассердившись, ответил:

— Ну, люббо, ми не до созерцания!

— Да вы же гневайтесь. Там не просто работа — там чеरг-те какая работа! Надо бы Гордейчику водки немножко дать, а то на исходе пароны.

— Соколко он прошел?

— А ваши скользко?

— Очень много; по три с половиной метра.

— Ну, а Гордейчик прошел пять с половиной.

Аверьянов почесал нос, посмотрел на Новикова и заметил:

— Леонид Николаевич, а я не знал, что вы гиперболист.

Я спаситель. Люди моей профессии не могут быть гиперболистами. А водки пароны не пьют, не поглощают; они себя не щадят совсем, на износ жмут.

— Это мы серженко?

— Совершенно.

— Ну а где ее взять?

— В магазине «Гастроном».

Уже поздно. Все магазины закрыты.

Новиков посмотрел на часы и сказал:

— Да, Вы правы. Уже поздно.

— Они обыкновенные, — сказал Сытин, — такие же, как и все.

— Не знаешь, не говори. Я одного ученика видел, в Москве, когда в университете сидел, на заочный поступать. Он рядом со столом сидел, в столовой. Там у них на Можайской улице столовая есть. Я там обедал, и он рядом со мной сидел. Сидел, на меня уставился и распрашивал: откуда я, как работал на руднике, туда, понял, сюда... Глядишь у него голубые, раскрыты широко и блестят, будто у двести граммов водки виши. Меня выспрашивали, поверх моей головы смотрят, а сам ложком по тарелке осторожно водят, мясо ищут. А суп наливал, что моя кофта... — будто зорочит. Говорю: «Меня нам прислали». Он невзначай на тарелку водки положил и кусок насыпал, мяса кусочек осторожно поднес к губам, тут быстро несет. Только смотрят раза два картошкой он себе по носу положил. Я засмеялся и говорю: «Вы на еду смотрите, я вам после про себя расскажу». Он всхихнул весь и замолчал. Потом поднялся и пошел, а сам на столе остался. Я тогда подумал: «Вот, даже в университете эту водку пьют». А потом узнал, что он слепой, этот человек-то. Большой ученик — и слепой от рождения. А все время с мольбами. Как тут быть слепому? А он понимает, что ему хуже всех на земле, ни у боятся свою болку показать. Вот поддается под зрячие.

Это ты к чему? — спросил Сытин.

— Да так... Просто вспомнил. От радости, наверно.

— Какой радости?

— Какой, какой! — передразнила его Строкач. — От радости, что вижу, вот какой Отточко, что карбидка у нас есть, понял?

— Как сейчас, интересно, тварь — вдруг подумал вслух Сытин. — И потом сегодня наши с благовещенскими в футбольке должны были играть. И голубь некромление, черт! И снасти я не развесил просушивать.

Строкач вздрогнула, засмеялась.

— Ты чего? — удивилась Сытин.

— Ничего... — сказала, смеясь, Строкач, — ты просто, как женщина!

— Чего?

— У нас в батальоне переводчица была, — по-прежнему смеясь, начала рассказывать Строкач, — старушка хорошая, умная. Учителейнейшей до войны работала. Так вот она вроде тоже говорила. Начнешь с ней говорить — все верно вроде, а понять ничего не поймешь.

— Это я сейчас не понимаю ничего, — сказала Сытин, — ты объяснила бы...

— Ну, вот начнешь с ней говорить о книгах. «Ах, Островский! Чудесный писатель. Беда Малого театра!» — ведь дедушки У меня в Малом театре преподавали, работали, — говорила. У нее дети были — Сережка и Миша. Сережка теперь в Заполье. Там ходили. Интересно, там можно вырастить цветы? У меня же в доме всегда была китайская роза. Красная такая. Таких красок сейчас нет. Вы знаете, красный цвет очень любят, один мой знакомый художник. Он умер от туберкулеза. Какая ужасная болезнь! Жаль, сейчас не работают легочные дома отчдка. Интересно, сколько после войны будет стоить путевки в санаторий?

Строкач не смог договориться: и он сам и Андрейка с Антоном дружно хрюкали со смехом.

Строкач отсекла, выпир со сба пот и по-думали: «Ребята здорово держатся. Просто чудо, как держатся мои ребята».

Аверьянов снова спрятался в штоллю, а Сытин смеялся: не могли подумать, что ужин раздал зело и по шекам катились слезы. Они не смеялись, а только всерти головами, словно фантики, и все время хмыкали себе под нос, как будто увидели однажды слова.

Глаза привыкли к свету постепенно, а когда наконец привыкли, то Строкач заметила, что зрачок его стало много шире, чем раньше. Он теперь замечал крохотные, совсем незаметные венчи. Нет, не веши даже, а просто штрихи, на которые раньше никогда бы не обратила внимания. Хотя раньше она не обращала внимания, потому что просто-напросто не обладала таким остротой зрения, как сейчас.

— Я раньше не знал, — сказал Строкач, — попросил Андрея заняться карбидную лампу, — почему это слышалось, что гордые люди.

Он снова начал долбить молотком по породе и продолжал рассказывать:

— Я просто даже удивился, когда узнал, какие они гордые. И только теперь понял, почему они такие гордые.

вов, но каждый раз, поджигая бикфордов шнур, волновался до дрожи в коленях и каждый раз ничего не мог поделать с собой.

Внешне, правда, никто бы и не заметил его волнения, если бы он был нетороплив и хмур. Только очень бледный Новиков, подглядывавший с ним в спасательную службу пятнадцать лет, мог бы заметить, как у начальника начали подрагивать уголки глаз и прямую бровь временами стягивал к переносцу. А сразу после взрыва Новиков садился: это у него вошло в привычку с сорок пятого года, когда двух людей, стоявших рядом с ним в добровольческой плаще 18-бис, которые восстанавливали после немцев, убилокусами породы, а самого Новикова тоже ударило в подмы, с тех пор он каждый раз, когда взрывалась садился на корточки и никак не мог сидеть в этом привычке. Он понимал, что это было сделано для посторонних: дзюдоистом, а также начальником горноспасательной, приходит после взрыва в санаторий на фронт. И поэтому, стоя в укрытии рядом с Гордейчиком, Новиков захлопало, обязательно сразу же после взрыва рассказать этому замечательному проходчику о том, почему он садится после взрыва, и даже — в подтверждение — показать всем орденов: три за фронт и пять за горноспасательные работы.

И действительно, сразу же после того, как в штолле глухо ухнула взрыв, Новиков присел к Гордейчику, стоявшему рядом, от внезапности которого Новиков услыхал, как Гордейчик рассказывает о том, самый мир, когда из штоллии, где проносились взрывы, после глухого шума ослепляющей породы донесся человеческий страшный вопль.

Никто еще толком ничего не понял, а Новиков, будто подбранный с земли пружиной, уже несся к штолле. Он бежал на этот страшный вопль, спотыкаясь о куски породы, а остырый луч фонарика, укрепленного у него на каске, метался по зловещим зубчатым стенаам штоллии, веселым солнечным зайчиком.

Когда штоллы сузились, Новиков стал на корточки и пополз среди кусков породы, пахнувших падением. Он полз на носы, который стоял на земле, и вспомнил, что это инстинкт.

Винцано вошел замок. Новиков остановился и сразу же почувствовал сзади чье-то горячее прикосновение. Обернувшись, он увидел Аверьянова. Главный инженер был весь белый, и глаза под очками стали совсем круглыми от ужаса. И Новиков, и Аверьянов, и Гордейчик, и горноспасатели, и проходчики — все, схватившие взрывы и вопль, сейчас думали только об одном: «Неужели взорвало людей?»

— Не может быть, — хрипло сказал Аверьянов, — обвал случился за час до перемены.

— Тогда кто же кри... — Ох, — сказал снова донеслось из штоллии.

Аверьянов покачивался во всем теле слабостью и закрыл глаза, чтобы не помнить, будто это был голос Строкача. Никогда Строкача, его друга, не слышал, чтобы скорей обсыпалась порода, чтобы скорей обсыпалась Строкача и его ребят, а на самом деле убил их. Он, Аверьянов, главный инженер. Он, Аверьянов, убийца! Он побудил людей, замечательных людей, таких людей, каких больше нет на белом свете! Он, Аверьянов, негодяй, погубил их! И нет ему пощады!

Аверьянов снял очки, засечь протер их, блазорукую сощурился, посмотрел на Новикова и сказал:

— Я скажу, пойду.

— Ну, заявляю кула-ибуль.

— Не будьте тюфяком, главный инженер! — зло произнесла Новикова. — Ваша люди усыпят, позорице какое!

ПОНЕДЕЛЬНИК

7.25

Новиков поджег бикфордов шнур и отбежал в укрытие. Всегда перед тем, как должен был произойти взрыв, Новиков не мог совладать с волнением. Он провел не одну сотню взрыв-

ОКОНЧАНИЕ
СЛЕДУЕТ

НА УДАРНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ

Этих ребят можно встретить везде — на суровом Севере и солнечном Юге, на Западе и Востоке. Они не похожи друг на друга, но их родит особая целеустремленность.

Кто же эти люди! Это те, кто трудится на ударных комсомольских стройках. Это те, кто приехал сюда по зову своих сердец.

Сто сорок четыре стройки страны объявлены ЦК ВЛКСМ «ударными». И на каждой из них ежедневно, ежесменно творятся замечательные дела, полные великого смысла и пафоса.

С этого номера «Смены» будет систематически публиковать материалы, рассказывающие о положении дел на ударных комсомольских стройках. И, конечно, более полными эти сообщения будут в том случае, если ты, участник комсомольской стройки будешь писать нам.

Мы ждем от тебя писем, друзей. Сообщай нам о своих достижениях, о месяцах в плахах, том, каким мешает работа. Сегодня на страницах Чимкентского цементного завода рассказывает начальник комсомольского штаба Григорий КАЛИХМАНОВ.

Затем, многое делает молодежь для сокращения сроков строительства. Объем и сложность работ потребовали немалого напряжения, четкой, продуманной организации труда, максимальной механизации. И вот комсомольцы создали свой штаб. В него входит одиннадцать молодых специалистов, имеющих инженерное образование, девачек. Для того чтобы быть в курсе всех дел, на самых ответственных участках производства штаб установил девять контрольных комсомольских постов. Это наши глаза и уши. Слушни что-нибудь, контрольные посты тотчас сигнализируют в штаб.

С помощью постов мы строго следим за правильной организацией труда, за беспрерывным обеспечением стройки оборудованием и материалами, помогаем выявлять и использовать внутренние резервы. Штаб интересует также досуг и быт молодежи. Конечно, всем свою деятельность мы связываем с комитетом ВЛКСМ.

У нас давно вошли в практику коротконогие, буквально пяты — детьмилистные совещания с группами ксогорами, бригадами, членами контрольных постов. В случае необходимости приглашают на них и хозяйственников. Здесь мы договариваемся о том, что надо сделать сегодня, выясняем, кому нужна помощь.

Однажды стало известно, что «Техпроммонтаж» задолжал рабочим зарплату. Бандаки, привлеченные бандаками обжигового цеха, это торопливо монтажные работы. Штаб дал тревожный сигнал в Министерство внешней торговли. Там сразу же были прияты необходимые меры, и стройка получила бандаки.

Другой пример. Комсомольский штаб узнал, что из-за отсутствия вибраторов пространствуют бетонные конструкции. Тогда мы немедленно обратились в «Казглобурдорудование» и вскоре вибраторы были на рабочих площадках.

Нашими верными союзниками становятся плахники, «волнины», «шевелюры». Только за два месяца мы выпустили более 400 «волни», «шевелю», «волничики», «крокодилы».

Дане в самые горячие дни пе-

ред пуском обжиговой печи цементного завода комитет комсомола совместно со штабом проводил интересные собрания, беседы, диспуты, организовывал выезды за город, экскурсии в Ташкент, кульпюрокский музей и по Бакинскому судну, например, когда состоялось собрание на тему «Каким должен быть строитель и труженик коммунистического общества». Радиоузел «Центростроя» извещал о ходе подготовки собрания. На него пришли все, кто был свободен в этот час. Молодые строители говорили о своих делах, плавающих на будущее.

В дни борьбы за досрочную сдачу объектов ряды нашей комсомольской организации пополняются замечательными юношами и девушками. Арматурик Виктор Сидоров, маляр Альберт Касимов, вахтер Рома Дарсанова, плотник Ахметжан Дулупашев и многие другие в самое напряженное время заявляли о своем желании вступить в ВЛКСМ.

Да, на нас стройке есть где применить свои способности, инициативу. Строители 3-й и 4-й технологических линий, например, обратились недавно с просьбой — досрочно ввести в строй важнейшие объекты. Это обращение было поддержано всем молодежью.

Юноши и девушки у нас постоянно являются посыпкой квалифицированных рабочих, привлекаемых бандаками обжигового цеха. Это торопливо монтажные работы. Штаб дал тревожный сигнал в Министерство внешней торговли. Там сразу же были приняты необходимые меры, и стройка получила бандаки.

Хочется рассказать и о том, что при комитетах комсомола «Центростроя» и «Казмеханомонтажа» работают советы молодых специалистов. Они проводят рейды по проверке технических знаний молодежи, разрабатывают темники по рационализации и изобретательству, помогают рабочим-рационализаторам, одним словом, чем только можно содействовать техническому прогрессу.

Так же и тут творится молодежь на нашей ударной стройке. Так, шаг за шагом, идем мы к выполнению задачи, поставленной перед нами партией. И нет сомнения, что с такими замечательными людьми мы сдадим завод в срок, а может быть, даже и раньше.

ШАГ ЗА ШАГОМ

она погрудилась больше всех. Но Шрафтдинову посмотрела на меня удивленно:

— Что ты! У бригады срочное задание...

В этом на первый взгляд и не очень значительном факте проявился характерная черта наших комсомольцев: на первое место они всегда ставят интересы коллектива, своей общественной долга.

Строительство Чимкентского цементного завода, объявленное ЦК ВЛКСМ Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, под полным ходом. Вчера вступил в строй его первый блок, был завершен на двадцать один месяц раньше срока! Это значит, что страна досрочно получила завод мощностью 440 тысяч тонн цемента в год.

Еще один пример. Четвертую технологическую линию строители обещали сдать к 7 ноября 1960 года. Но вот с трибуны пятой сессии Верховного Совета СССР прозвучали слова товарища Хрущева о том, что стране, особенно для новостроек семилетки, нужно еще больше цемента. И коллеги решили: закончить работы к двадцати дню открытия июньского Пленума ЦК КПСС. Слово свое мы сдержали. Без преувеличения можно ска-

зать, заседание комитета комсомола проходило бурно. Обсуждался вопрос, который взволновал абсолютно всех, кто начал расхищать строительные материалы.

— Итак, все согласны, что нужно устроить ночной рейд! — подытожила выступления товарищ штукатур Лариса Шрафтдинова.

— А утром на работу!

— Ну и что! — вскинула голову девушка.

Рейд прошел успешно. Воры были пойманы с поличным.

Наутро все его участники как ни в чем не бывало занялись своим рабочим местом. Я попыталась было отправить Ларису отдохнуть —

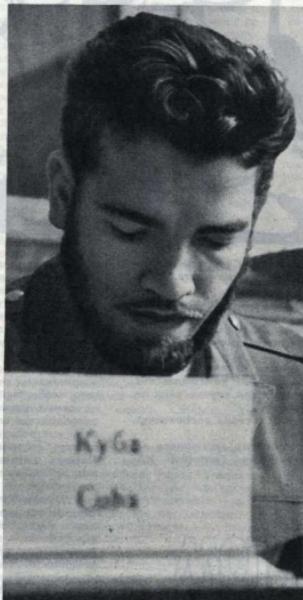

МОЛОДЕЖЬ

В Москве, в здании Московского государственного университета, с 15 по 17 сентября состоялось учредительное заседание международного комитета Всемирного форума молодежи. В нем приняли участие 142 представителя 60 стран.

Инициатива советских молодежных организаций относительно проведения в июле 1961 года в Москве Всемирного форума молодежи получила единодушную поддержку.

Широкий и открытый характер этого мероприятия позволил развернуть дискуссию по самым различным вопросам, которые волнуют молодежь середины двадцатого века. Из выступлений участников заседания видно, что самая важная проблема — проблема мира и дружбы. Ниже мы приводим выдержки из выступлений делегатов, а также некоторые их высказывания, сделанные в беседе с нашими корреспондентами.

ХЕРАРДО ФИГЕРАС
(Куба)

«Мы со всей торжественностью заявляем здесь: мы развернем самую широкую борьбу и приложим все усилия для мобилизации сил в нашей стране и странах других братских народов нашего континента. Мы будем активизировать членов молодежных организаций активно участвовать в Международном форуме следующего года, чтобы этот форум стал крупным историческим событием».

ПАУЛ ТОМСЕН
(Дания)

«Я представляю одну из крупнейших молодежных организаций моей страны — «Молодые педагоги». Само название нашей организации говорит о том, что нас беспокоят судьбы мира, будущее маленьких граждан Земли — наших учеников. Идея форума прекрасна! Что может быть лучше, чем для молодежи из разных стран высказать свои взгляды и, конечно, предложить конкретные решения многих существующих проблем. Мы должны это сделать. Мы можем этого добиться!»

НАЙДЕМ ОБЩИЙ ЯЗЫК

ТЕОДОР ПЕТКОФФ
(Венесуэла)

«Идея форума проникает в сердце каждого, кто молод, кому дороги судьбы человечества, свое будущее. Много проблем в мире существует иногда из-за простого непонимания, незнания друг друга. А если соберется молодежь середины XX века и обсудит свои проблемы, то, может быть, к концу нашего века эти проблемы уже будут решены».

АБДУ-КОНЬЕ ДИОП (Лига африканских стран)

«Как же жить по-братьски, если сами существующие условия заставляют нас это делать? А как же можно остаться в стороне, когда проявляется инициатива, подобно той, которую произвела советская молодежь».

ХЕМАЧАНДРА ПЕРЕРА (Цейлон)

«В нашей стране мы будем предлагать адаптировать программы, выработанные здесь».

РАЛЬФ ВАЙСБАХ (ГДР)

«Наш форум должен явиться нормальным дополнительством возможностей мирного сосуществования».

ТОМ МОРРИС (Канада)

«Форум необычайно об联谊яет нас и поможет нам ближе узнать жизнь, а значит, и лучше понять физику друг друга».

ПОЛЬ ЛОРАН (Франция)

«Форум поможет достичь равноличного и взаимного прогресса в политической единодушии молодежи всего мира».

ЮСУФ АЛИ ХАРУН (Сомалик)

«Существует много серьезных проблем, с решением которых должна заниматься молодежь XX века, вена возрождения, эволюции, преобразования и политической, экономической и социальной революции».

МИРИХ ПЯТИЦА (Чехословакия)

«На первое место мы ставим вопрос борьбы за мир, за мирное сосуществование и разоружение. Это предложение — не от страх или слабости, а от того, что сплошной социалистический лагерь во главе с Советским Союзом распознает, что самое главное для того, чтобы пресечь любую попытку развязать новую войну».

МАРГОНО (Индонезия)

«Народы всегда требуют свободы от угрозы войны, требуют свободы строить мирную жизнь, свободы от иноземных захватчиков».

НОРА БУТ (США)

«Соединенный форум с той целью, которая была назначена Инициативным Комитетом, является величайшим мероприятием, в котором мы можем соединить собой колоссальную ответственность. Мы все разделяем общий идеал, стремясь к миру и миру будущему».

НИШИДЗАВА (Япония)

«Прежде всего мы хотим мира, мы не хотим повторения трагедии Хиросимы».

ЯКОБ СТЕВЕНС СТЕФЕНС
(Гана)

«Я думаю, что создание форума молодежи летом 1961 года — блестящая советская инициатива, которая направлена на укрепление мира. Предстоит очень большая работа для того, чтобы наши замыслы были претворены в жизнь. Я предвижу много трудностей на нашем пути. Однако мы должны сделать все, чтобы добиться успеха».

Академик М. А. Леонто-
вич — один из крупнейших
советских физиков-теорети-
ков. Родился Михаил Семен-
ович в 1908 году в Баку. Учился
в университете физики и
математики в Баку. В 1930-х
годах в области атомной
физики заслуженные получили
всемирную известность.
Помимо этого, академик
Леонтьевич принимает участ-
ие в исследованиях термо-
ядерных реакций.

Вот что он сказал нашему
корреспонденту лауреату
Ленинской премии М. А. ЛЕ-
ОНТОВИЧУ.

4 Ю 4 И ЗАЖУН НА ЗЕМЛЕ СВОЕ СОЛНЦЕ

МАТОВЫЙ ГОСУДАРСТВО

Наше время иногда называют атомным веком. И все же атомный век вряд ли будет веком. Не «дожин» до стя лет, он уступит место новой эпохе — эпохе ис-
пользования термоядерной энергии.

В противоположность существующим атомным электростанциям, где используется про-
цесс деления ядер тяжелых элементов, тер-
моядерная электростанция будет давать энер-
гию за счет соединения, синтеза самого лег-
кого элемента — водорода — в более тяже-
лый — гелий. Именно этот процесс происходит при взрыве водородной бомбы. В элект-
ростанции термоядерный взрыв огромной раз-
рушительной силы должен быть заменен спо-
койным, управляемым процессом «перевига-
ния» водорода в гелий, подобным процессам,
происходящим на солнце.

Как же происходит такое «перевигание»? Водород встречается в природе в трех «ли-
цах»: помимо водорода с атомным весом, равным единице, существуют еще два его изото-
па: дейтерий и тритий. Первый из них вдвое, а второй втрой тяжелее обычного водорода.

При определенных условиях два атомных ядра дейтерия, соединяясь друг с другом, «проходят» один из изотопов геля и тритий. Гелий образуется и при соединении ядер дей-
терия и трития. Эти реакции сопровождаются выделением огромного количества энергии. Процесс синтеза происходит при температуре, измеряемой сотнями миллионов градусов. Ясно, что создать такую температуру и удержать ее более или менее длительное время — задача чрезвычайно трудная. Прежде всего встает вопрос: где должна протекать реакция, какой должна быть термоядерная «печь»?

Ясно, что сделать ее стены из какого-либо
твердого материала нельзя: они мгновенно
превратятся в пар. Поэтому наша «печь» буд-
ет иметь невидимые, но очень прочные «сте-
ны» — электромагнитные поля.

Надо сказать, что термоядерное «горюче» — разогретые до колоссальной темпера-
туры ядра изотопов водорода — представляет собой особое состояние вещества, называемое плазмой. Плазма состоит из заряжен-
ных частиц. Поэтому электромагнитная стена — труднопреодолимая для нее преграда.

Итак, теоретическая возможность создания термоядерной «печки» найдена. Но как осуществить эту задачу технически? Схематично тер-
моядерная установка — это труба, заполнен-
ная дейтерием. Пропуская через трубу элект-
рический разряд, мы раскалем дейтерий до
составления горячей плазмы и скимаем ее
электромагнитным полем в тонкий плотный
«шнур».

Сегодня работы физиков идут в основном в двух направлениях. Первое направление — создать условия, необходимые для того, чтобы процесс синтеза шел возможно более дли-
тельный время. Второе направление — получение сверхвысоких температур на короткое
время.

При упоминании о длительном процессе мы представили себе, наверное, часы или уж, во всяком случае, минуты непрерывной работы. На самом деле сегодня длительными процес-
сами физики считают процесс, продолжитель-
ность которого измеряется сотнями долей секунды. Как вы сами понимаете, нельзя пред-
ставить себе термоядерную электростанцию, которая работала бы доли секунды. Практиче-

ский интерес, конечно, может представлять лишь электростанция, работающая непрерывно в течение месяцев, дней или хотя бы часов. Поэтому задача в том, чтобы найти способ ча-
сто повторять период реакции синтеза.

Второе направление работ носит скорее вспомогательное, чем самостоятельное значение. Ведь получить огромные температуры даже на ничтожные доли секунды очень интересно. Что произойдет? Как будет вести себя плазма? Теоретические предположения ученых на этот счет надо проверять на опыте. Кроме того, возможно, что быстро нагретую до высокой температуры плазму удастся впус-
тить в объем, где происходит длительная реакция.

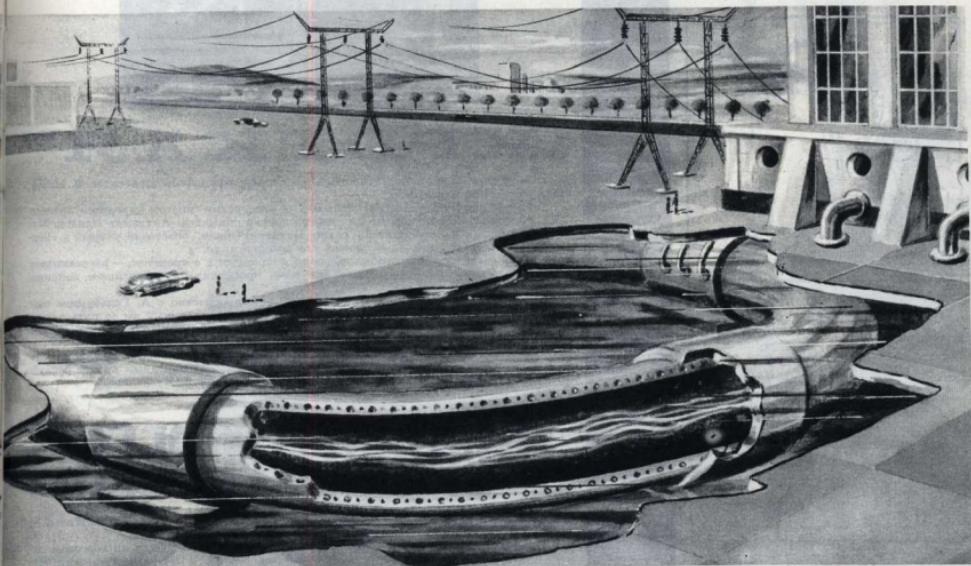
В Советском Союзе, как известно, построено несколько экспериментальных установок для исследования термоядерных процессов. Одну из новых систем назвали «токомаг». Не правда ли, это звучит совсем как в фантастиче-
ском романе? Но фантастического тут ни-
чего нет: «токомаг» — установка, использую-
щая комбинацию тока и магнитного поля.

Почему же не дала еще ток термоядерная
электростанция?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо напи-
сать не журнальную статью, а, пожалуй, книгу.

Работу тормозят подчас совершенно неожи-
денные вещи. Например, в тех установках, где происходит нагрев током, малейшая, казалось бы, незаметная грязь вызывает затруднения.

Но это только одна, и, наверное, не главная проблема из многих и многих других, кото-
рые стоят сейчас перед физиками. Тут и полу-
чение сверхвысокого азотума, и, значит, улуч-
шение системы откачки, и конструирование

специальных ловушек, способных «поймать» посторонние атомы внутри установки, например атомы углерода, очень мешающие экспериментаторам. Тут и разработка системы непрерывного подогрева стеков и другие амбиции, отнимавшие месяцы и годы напряженной «черновой» работы. А без нее движение вперед немыслимо.

Как обстоит дело с теорией этих процессов?

Думая об этих проблемах, можно вспомнить гидродинамику — науку, изучающую законы движения жидкостей. Десятки лет назад, движение жидкостей и газов ученые пытались рассчитывать, пользуясь теориями так называемой идеальной жидкости, лишенной вязкости. Труды Н. Е. Жуковского и других ученых, исследовавших движение реальных жидкостей и газов, показали, что на самом деле все явления, происходящие в них, значительно сложнее, чем описывала их «идеальная» гидродинамика.

Подобный же путь развития еще предстоит теории равновесия и движения плазмы. Вы понимаете, что эксперименты с водопроводной водой делать легче, чем работать с плазмой, которую никто никогда, образно говоря, не держал в руках. Разобраться же со многими возникшими сейчас вопросами чисто теоретически очень трудно, если не невозможно. Поэтому сегодня эксперимент — основа успеха.

Итак, когда же все-таки будет построена термоядерная электростанция? Когда на земле зажечется солнце, созданное людьми?

Несколько лет назад группа физиков, изрядно утомившись после очередного обсуждения научных проблем, провела шуточную анкету. Каждому дали маленькую бумажку, на кото-

рой был написан только один вопрос: «Когда мы начнем практическое использование термоядерной энергии?» Требовалось поставить год. К сожалению, самый «коммунистичный» срок уже прошел. Но до года, предсказанные самым «косторожным» из нас, еще много времени.

Это шутка, конечно. Можно надеяться, что читатели «Смены» будут свидетелями покорения термоядерной энергии.

Как же будет выглядеть термоядерная электростанция?

Сейчас трудно еще нарисовать вид такой электростанции. Можно лишь вообразить ее в виде компактной установки типа замка-той, довольно сложной «бубличной» камеры, внутри которой в электромагнитных полях будет зажигаться плазменный шар. А снаружи расположатся машины, подводящие ток и питательную обмотку основного магнитного поля. Всю установку поместят в водяную рубашку, которая будет поглощать нейтроны и одновременно охлаждать «бублик».

Можно думать, что такой «бублико-диаметром в десятки метров» обеспечит термоядерной электростанции мощность примерно в миллион киловатт.

* * *

Миллион киловатт! И из чего — из воды! Ведь запасы дейтерия — основного сырья термоядерных электростанций — практически неисчерпаемы! Подсчитано, что энергия дейтерия, содержащаяся в одном ведре воды, равна энергии 40 ведер нефти.

Горючее термоядерных электростанций — самое распространенное на земле. В то же

время оно и самое энергоемкое: дейтерий превышает по энергоемкости газ в 10 тысяч раз, нефть — в 15 300 раз, уголь — в 22 200 раз!

Бесконечно заманчива перспектива получения управляемой термоядерной реакции. Сейчас даже трудно себе представить все те возможности, которые откроет она перед людьми. Уголь, сланцы, нефть, газ перейдут из владений энергетиков к химикам, превратятся в различные синтетические материалы. Грандиозные плотины перегородят реки прежде всего для того, чтобы изменить географию планеты, создать новые моря и вододренилища. А основой энергетики станут ТЭС — термоядерные электростанции. Их не нужен особый рельеф местности. Им не нужна и близость сырьевых источников.

Не столько о подвое сырья будут думать энергетики будущего, сколько о передаче энергии потребителям. Необходимо будет отвести от ТЭС полученный ток, создать мощнейшие линии электропередач. Электрическая энергия, рожденная искусственным солнцем, явится поворотным пунктом в истории прогресса. Замечательно изменят она привычный нам мир, мир, в котором мы живем сегодня, сделают возможным воплощение самых смелых человеческих замыслов, послужат мощным оружием в его борьбе за переделку природы, в построении материального фундамента самого справедливого в мире общественного строя. И не случайно, сообщая XXI съезду Коммунистической партии Советского Союза об основных проблемах, над которыми трудятся сегодня наши учёные, Н. С. Хрущев назвал в первую очередь проблему овладения термоядерной энергией.

ЭТИ ФИЛЬМЫ ВЫ СКОРО УВИДИТЕ

Рисунки Р. Овчинникова.

“КРОТКАЯ”

На студии «Ленфильм» закончена работа над экранизацией рассказа Ф. М. Достоевского «Кроткая».

Фильм явился первым сценарным и режиссерским опытом народного артиста СССР Александра Борисова. До сих пор он только снимался. Академик Павлов, Мусатовский, соратник изобретателя радио Попова Рыбкин, советский ученый в «Верных друзьях» — вот неполный список его ролей в кино.

— К своей новой и необычной роли я приступил с трепетом, — рассказывает Александр Федорович. — «Кроткая» для меня проба сил на труднейшем поприще кинорежиссуры.

Сценарий фильма был сделан А. Борисовым совместно с А. Гольбургом еще четыре года назад. Малозвестный рассказ писателя, написанный им за пять лет до смерти и вошедший в его «Дневники», принял сценаристов силой протesta против несправедливой жизни, калечающей судьбы честных людей.

Роль Кроткой А. Борисов поручил молодой Илье Савиной, в прошлом году дебютировавшей в «Даме с собачкой». Ростовщица играет народный артист республики Андрей Попов, Лукарею — ленинградская артистка В. Кузнецова.

“ПОЛОСАТЫЙ РЕЙС”

Могут быть рейсы трудные и легкие, короткие и длинные. Но полосатый...

Такого не бывает! Однако судите сами. Из цейлонского порта Коломбо в Одессу на торговом пароходе отправили десять тигров, одного льва и обезьяну. В пути с необычайными пасажирами случается множество приключений.

«Полосатый рейс» — цветная комедия, стоит ее режиссер Владимир Фетин. Любопытно, что и первый его фильм — дипломная работа «Жеребенок» (по рассказу М. Шолохова) тоже создавалась на «зверином материале». Сценарий «Полосатого рейса» написан А. Каплером и Ю. Конековым.

...В Ленинграде, за мостом лейтенанта Шмидта, стоит старый пароход «Матрос Железнов». Он был представлен кинематографистами для экспериментов: прежде чем отправляться на съемки в Одессу, они решили пробы пройти и дать возможность членам экипажа — «актерам» освоиться.

Комедия вообще снимать трудно. Но если там, где играют актеры, можно добиться хорошего результата, отнять дополнительные дубли, то с тиграми лишних

часов в ожидании подходящего кадра сидят у решетки, городивший палубу, оператор Д. Можескин и режиссер В. Фетин. На палубе — тигры и два человека: режиссер, по дресировщике К. Константиновскому и известной укротительнице Маргарите Назаровой.

— Пусть Пурш ляжет, Маргарита Петровна, — говорит Фетин, — вы ему перекиньте косынкой лапу.

Назарова пытается уговаривать тигра и наконец прибегает к испытанному средству: садится на Пурша вверх. Он это любит и только тогда ложится.

Затем Пуршу подходит Константиновский. Они будут бороться, человек и тигр. Константиновский теребит, дразнит Пурша. Тигр пытается уйти — это не удается. Он начинает сордиться, рычать... Пусть слышно струкочек камеры съемочных аппаратов. Кадр удался.

Пурши, Рада, Найда и Байкалика — «киноактеры» опытные. Однако участников в «Полосатом рейсе» необычно и для них. Если раньше им приходилось сниматься либо в тайге («Опасные тропы», «Звероловы», «Человек и зверь»), либо на манеже цирка («Укротительница тигров»), то в новой картине им придется прыгать в воду,

плыть в море. А какая кошка любит воду?

«Освобождение» на «Железнике» закончилось, вся съемочная группа сейчас в Одессе.

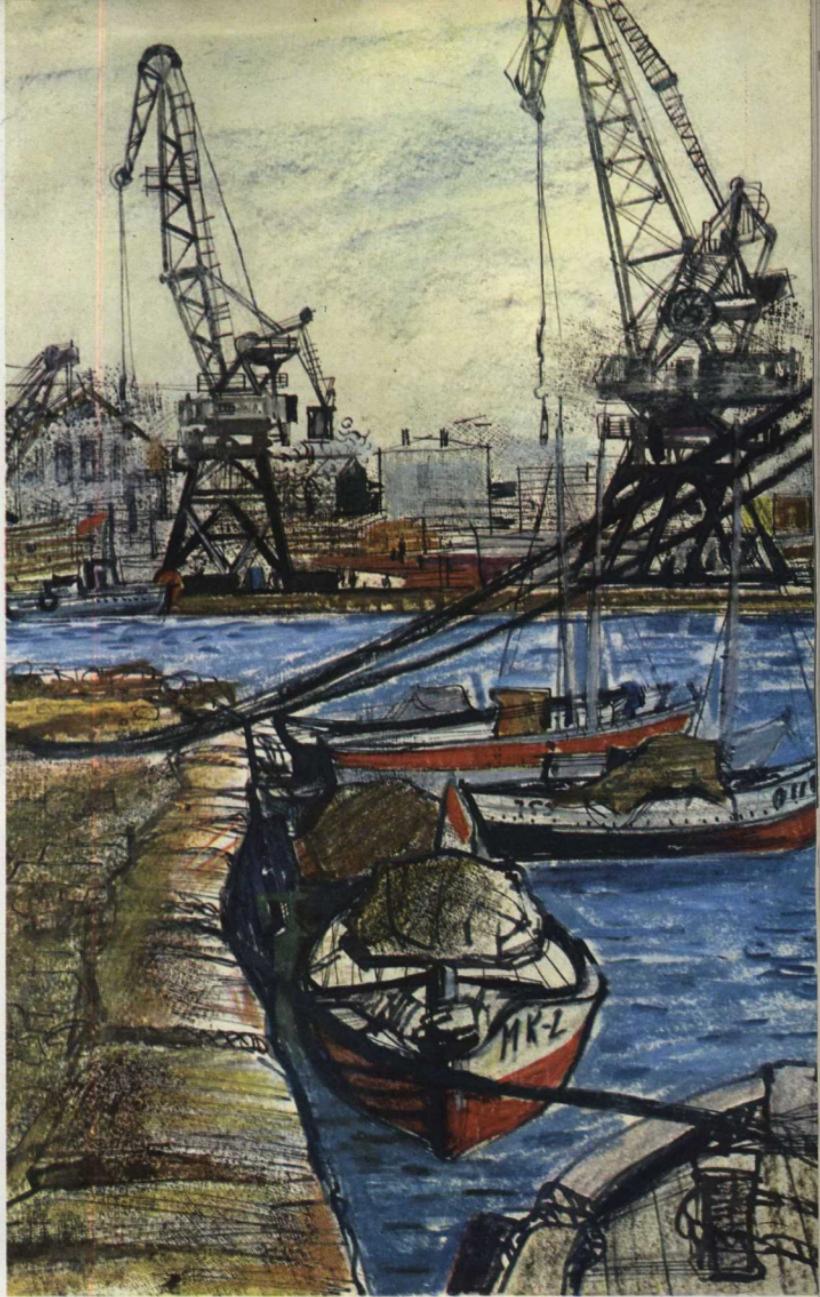
В картине снимаются популярные артисты — А. Грибов, В. Белокуров, Е. Леонов. Роль Маринки исполняет дресировщица Маргарита Назарова.

«Полосатый рейс» начнется.

В. БРУСЯНИН

А. СОКОЛОВ.
Одесский порт.

ГЛАВНЫЙ
МОЛОДЫЙ
ХУДОЖНИК

МУЗА. Изображение в Гаване.
Фото В. Боровского.

МОЛОДОМУ ЛЮБИТЕЛЮ ПОЭЗИИ

И. ДЕНСИСОВА

Я хочу рассказать тебе о поэзиях, которые прошли немалым и нелегким путем, а в поэзии скажали еще только первое слово... Зато и слово это не случайное, а вымпельное, правдивое. Читал ли ты первую книгу поэзии Игоря Григорьева «Родимые души», — собрание монологов Наталии Астафьевой «Левицкая»? Знаешь ли, что у Владимира Барно из г. Молодечно выпала интересная книга «На страже», у сибиряка Михаила Горбунова — «Студеные зори»? Нет еще?! Тогда я расскажу тебе, хотя бы о двух из них, а остальные ты постараешься прочесть сам...

С 1941 года по 1958-й — семнадцать лет — писал Игорь Григорьев стихи, а в книжном мире о них совсем немногие. Но и не многими, конечно же, менялась жизнь, как маячка душа поэта. Если военные стихи его пронизаны острой болью, то тонкость стихов последних лет определяет страстное жизнелюбие. Ты, наверное, обратил внимание, что у каждого из молодых поэтов есть стихи о своем отчиме крае, о земле. И хотя у всех такого стихотворение частенько называется «одинаково» — «Земля», все эти «земли» написаны совершенно по-разному; их обединяет лишь чувство большой любви. По-моему, это хорошая практика.

Есть свою «Землю» и у Игоря Григорьева... Это как бы маленькая лирическая поэма:

...Земля бродила,
Переполнилась соком,
Земля стонала,
изнемогая.

И вездесущим

Грезившим оком
За ней следило
С неебо светило.
...Земля дрожала,
Земляла,
Попла.
Земля дышала
Кремникой каждой,
Переполняясь
неумолимой,
Неутомимой
Жизни жаждой.

Даже из этого отрывка можно видеть, что Григорьев особенно близка русская природа — весенняя пробуждающаяся, зовущая человека оплодотворить ее своим трудом. И вот перед землей лежит злобородье.

Можно заметить, как смело и не назойливо пишет он свою, осеннюю интонацию; можно ощутить мягкий, но тяжелый шаг ритма. Сочетку прочесть также стихи: «Русь новая», «Весенное», «Я иду», «Летней ночью», «Жизну», «Ты мне кажешься по-лему», «На озере», «Вечер».

Второй раздел сборника — «Набат» — возвращает нас к гостепримному и спокойному времени, которое было забыто. Поэт вспоминает от имени своих сверстников — поколения, прошедшего огонь и грязь, говорит с большой ответственностью и прямотой:

Никто, кроме нас,
Не рассудят,
Что будет,
Что было,
Что есть.

Эти страницы полны боли за родную землю:

Не сумевших
От беды тебя спасти,
Мать-отчизна, полоненная
врагом,
Ты прости своих сынов!
Прости!

Для тебя на все готовы!

Мы идем!

Так кончается стихотворение «В бурю». В нем лирическими средствами создается обобщенный образ Родины, на которую обрушилась война. Соселем по иному, в очень конкретном виде, раскрывается образ русского человека в стихотворении «Партизанская бояня». Оно динамично и точно передает нечеловеческую напряженность двух измученных, израненных людей... Это — одно из лучших стихотворений И. Григорьева. Интересна также драматическая сцена из партизанских будней — «На железке». Здесь поэт показал умение гибкими ритмическими ходами передать быструю силу события, внутреннюю сущность человека, находившегося под ударом боя за жизнь. Прочти и такие стихи, как «Мать», «Воззвание», «Не спать!» и «Слово об отчине». По-моему, они тебе понравятся.

О Бедной! Отечественной! войне много пишут и, наверное, еще долго будут вспоминать в своей заветной лирике те, кто выстраивал эту страшную битву. И Михаил Горбунов пишет первую книгу стихов памяти «Брань Баггена». Но малоизвестные воспоминания о войне (особенно глубоко волнует стихотворение «Подсчитай патроны деловито!») уступают

и в лирике Михаила Горбунова так же, как у Игоря Григорьева, место волнением сегодняшнего дня, думам и заботам о насущных делах страны. И уже во многих стихах «Армейского дневника» («Балалайка», «Лагерь», «Дорога», «Тревога», «На привале») песня о русском труженице-солдате, увенчанном «спутницею-скаткой, как будто лавровым венком», незаметно переходит в рассказ о молодых целинниках и строителях сибирских городов.

Поэтому там есть место в книге Горбунова, переходя ко второму разделу — «На тропах перевала». В нем вместе с поэтом перевожишь ты укрощение Оби, видишь людей, которые навсегда перстинули «крепким поясом» стан сибирячика. Здесь и мужественный «Прорыв», и веселый охотник («Шорец»), и молодые вяччи и донцы, съехавшиеся настройку, отчалившие, эзмы на работу «Трактористы» — все они люди сильного характера и яркой судьбы, достойные «называть» высокими званиями «сибиряки». Их знают и любят. Поэтому в правду стихов его веришь. И когда в маленьком цикле «Грань» Михаил Горбунов обращается к вечной теме понюк большого любви, душевного постыдства, то не остается сомнений в благородстве и чистоте его лирического героя:

Нам обоим надо отогреться,
И тебе нужна, как никогда,
Моего проверенного сердца
Теплая.
Как лето,

доброта.

Это сказано просто, без затей. Но за простотой чувств, на которых можно полежаться все се. И это очень важно. Такой же человек прямой и любящий дух встает из стихов Наталии Астафьевой, из стихов Владимира Барно...

Но их книжки ты почти сам.

ОТКРЫВАТЕЛИ

Всем знакомы с детства три полосы:
Серебристый,

Южный
и Холодный.

Ну, а если
тоскует по лесу

Твой рюкзак,

и в запасе молодость?

Ну, а если
захочется каждому

По-мужски боевого содружества...

Мы выходим,

туманные жаждою,

Открывать наши полюсы мужества.

В шарфах маминых, стоптанных ботиках
Покидаем свои общежития.

И спешим

не на юг — за экзотикой,
А на север в места необжитые.
На сабаках,

снявшись от холода,
Проделаем равнину белую.

Ищем утоль и россыпи золота,

И детишкам инъекции делаем.

Сним в палатках,

в ярмарках под шкурами,

И жумем строганину с галетами,

Делим горе с сахаром с каюрами.

А по дому тоску — с сигаретами.
На земле,

вечно стужено скованной,

Плавят лед слои белым нервиче.

Только пишут в тетрадках линованных

Все влюбленные

письма горячие.

Кто-то пада,

не кончики задания,

Мы взрослеми семнадцатицветными...

Но зато

напей Родины здание

Возводимо руками пот эти.

Оймякон.

ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ

Кто может стать
президентом США?
Почему безразличны
американцы?
За кулисами
американской демократии.
Зачем Никсон едет
на 5-е авеню?

Всего месяц остается до 8 ноября — дня президентских выборов в США. Давно состоялись съезды двух крупнейших буржуазных партий США — республиканской и демократической — безраздельно господствующих на американской политической арене. Кандидаты выдвинуты каждой из партий на посты президента и вице-президента, проехали по стране не одну тысячу миль, произнесли не одно десятков речей. Каждый из кандидатов в президенты — республиканец Ричард Никсон и демократ Джон Кеннеди — не скучился на обещаниях. И Никсон и Кеннеди не новички на политической арене США, они знают, что обещание — дело в Америке не обременительное: если уж президент США, не моргну глазом, нарушил торжественное и публичное обещание, не возобновил шинокских полетов американских самолетов, то с кандидатов в пре-

зиденты, как говорится, взятым гладки. И они обещают: предпринимателям — повышение доходов, рабочим — повышение зарплаты, юным — расширение их господства в обществе. Программа США, американским легионом — равенство и возможность активного участия в политической жизни страны. Их мало смущает, что обещания эти несоставимы. Они обещают применительно к аудитории здесь одно, там другое. Цель каждого — любыми способами уловить как можно больше голосов. Для этого можно пустить в ход все: обещания, доказательства (в их числе и ложные), обработка и пресечку зевак, красноречие руководства с мертом и даже любимую собаку, упитанный вид которой свидетельствует о том, что хозяин ее — добный и покладистый маних.

Но каково же истинное политическое лицо каждого из выдвинутых кандидатов?

НОС ПО ВЕТРУ

Кандидаты в президенты от республиканской партии — вице-президент Никсон — типичный образец американского политика, именно политика крупного калибра, а не политики. Он может дать сто очков вперед любому прославленному голливудскому продюсеру по части умения создавать рекламную шу-

миху. Почти восемь лет Ричард Никсон находится на посту вице-президента США, но его багаж как государственного деятеля невелик. Нет ни одного крупного закона, ни одного политического решения правительства, которое могло бы быть присвоено инициативе Никсона.

Характерен ответ, который дал президент Эйзенхаузер, когда его спросили на пресс-конференции 6 августа об участии Никсона в принятии политических решений: «Мы понимаем, господин президент, что власть принимать решения принадлежит всецело Вам», — сказал Эйзенхаузер корреспонденту. Использовать же могли бы Вы для нас примера его (Никсона). Г. Т. Годдард, один из друзей Никсона, который в свое время был его помощником, рассказал, как человек, принимающий окончательное решение? «Дайте мне неделю», — заявил президент, — и я что-нибудь придумлю. А сейчас я не помню». Так сказал о деятельности Никсона на руководстве республиканской партии, человек, который ныне усиленно тянет Никсона на свою Белом доме. Естественно, если уж Эйзенхаузер не может пропоновать ничего выдающегося из деятельности своего ближайшего коллеги, то что же знает о Никсоне, как государственным деятелем, рядовой американский избиратель? А ведь именно этому избирателю сейчас пресс-агенты Никсона заби-

вают голову разговорами о якобы «бесценном государственном опыте» Никсона, который-де дает ему «неоспоримые преимущества перед не имеющими такого опыта кандидатом демократов».

Но отсутствие зоркости и настойчивого государственного опыта Никсон заменяет шумной самопреклямой. Если он и не силен в отношении инициативы, то, безусловно, он силен в самопрезентации «на подхвате». Особенную пруть проправляя и проповедует нынешний республиканский кандидат, когда речь заходит о накаливании атмосферы, о создании острой психологической обстановки для того, чтобы заставить налогоплательщиков раскошелиться, заставить недовольных замолчать. В таких случаях Никсон обращается к своей излюбленной теме: «Задолженность перед нашей страной...». Собственно говоря, республиканские боссы ухватились за Никсона именно после того, как он показал свои способности в этом деле.

Политическая карьера Никсона началась в 1946 году, когда он выставил свою кандидаттуру в палату представителей от республиканской партии по 12-му округу Коннектикута. Это было по радио, получила экзальтацию, разогнала антисоветскую истерию в США. Правда, круги Америки не жалели сил для того, чтобы подавить симпатии американского народа и СССР — величайшему союзнику Соединенных Штатов по антигитлеровской коалиции. Никсон, идя по стопам небезызвестного Маккарти и перенеся многие из его методов, обрушился на соперника своего с тем, кандидатом Джеффри Вирисом, обвинив его в «косвенных связях с красными». При этом Никсон шел на распространение таких грозных инсинуаций, что даже выдающиеся виды партийных боссов изумленно покачивали головами. Затрепанный Вирис проиграл кампанию, а Ричард Никсон отправился в Вашингтон заседать в конгрессе, как поддающий надежды способный молодой лиде-р. В конгрессе Никсон стал членом комитета по расследованию антиамериканской деятельности и начал специализироваться по частям проверки лояльности и запугивания «красной опасности».

Когда времена изменились и мощное общественное движение в США сумело в какой-то мере обогнать маккартизм, Никсон, ставший к тому времени вице-президентом, понял, что не коньке маккартизма далеко не уедешь. Он начал изображать из себя избалованного старичка, чьи бородавки мирного урегулирования острых вопросов путем переговоров и даже сторонник идеи мирного сосуществования и мирного сотрудничества двух систем. Это был благодатнейший период для всех западных карикатуристов, неожиданно получивших неисчерпаемую тему для творчества. Газеты запестрели изображениями Никсона, который, позевываясь, примеряет «ни разу не

— Куда вы, ведь борьба еще не окончилась.
— Да, но я всегда выигрываю!

Рисунок Е. Шукалова.

ИМ РАУНДОМ

Артистка Пегги Миллер предлагает смотреть на мир глазами Никсона. Но вряд ли этого хотят все американцы!

Предвыборная кампания стоит кандидату немалых денег. Но Кеннеди может платить.

надеванный пиджак либерала, с нерешительностью бережно укладывает политическую дубину под стол «до лучших времён» и т. д. и т. п. Эти карикатуры смеются над манерой изображения Никсона под «либерала» — ирония даже американские журналисты. Но это мало смущало самого Никсона, почувствовавшего изменение конъюнктуры.

Никсон, как известно, предпринял поездку в СССР на открытие американской выставки в Москве, стремясь наложить на свою честь максимальный политический кредит.

Все, что говорили и делали Никсон, находясь в другой стране, было воспринято на сопровождении его отобранных им самими журналистов, создававших ему рекламу в США. Однако советские люди быстро раскусили этого «либерала». В Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске рядовые рабочие не раз напрямик спрашивали Никсона о его отношении к возвращению западногерманского милитаризма, о политике окружения СССР американскими военными базами, о срыве Вашингтоном нормандских торгов между США и СССР. И когда ему не удавалось отвлечься демагогией, мистер Никсон сбрасывал личину «друга советского народа» и напрямую излагал свои антисоветские убеждения.

Поэтому, когда весь мир узнал о вероломных действиях руководителей США, заявлявших о стремлении к дружбе с СССР, с тайком пославших в нашу не- бо шпионские самолеты, вице-

президент одним из первых отбросил лицемерную игру в химореакции, выступив с откровенной, наглой защитой политики воздушного шпионажа. Американская делегация, прибывшая в мае к освещению в Париже, еще maneuverировала, распространяла сообщение о якобы отданном президентом приказе прекратить шпионские полеты. А в это самое время Никсон, оставшийся «за главного» в США, в выступлении по телевидению расхваливал эти полеты, как высшее проявление государственной мудрости и наставление на необходимость их продолжения.

Таково истинное лицо нынешнего претендента республиканской партии на пост президента, проповедника политики разбоев и провокаций в международных дебах, демагога и лицемера. «Человек, который дергает нос по ветру» — так охарактеризовал Никсона американский журналист Дирк Пирсон.

«ДОГОВОР ПЯТОЙ АВЕНЮ»

«Приспособляемость» Никсона на давно обеспечила ему широкую поддержку наиболее могущественных воротил американского бизнеса, стоящих за республиканской партией. В начале своей карьеры Никсон опирался на поддержку монополистических группировок западного побережья США — главного Калифорния. Широко известен политический скандал 1952 года, когда Никсона, баллотировавшегося в вице-президенты, уличили в том, что он получил

прямую взятку от группы калифорнийских миллионеров. Ныне круг его связей значительно расширился. Судя по всему, теперь за Никсона стоят могущественные дома Дюпонов и Морганов. Оказывается моральная и, что важнее, материальная поддержку Никсону, американским финансовыммагнатам с полным основанием рассчитывают, что он будет послушно следовать продиктованному ими курсу.

Как известно, влиятельным политическим противником Никсона в борьбе за президентское кресло был губернатор штата Нью-Йорк, миллиардер Нельсон Рокфеллер. Формально в конце 1959 года Рокфеллер отказался от борьбы, но фактически не складывал оружия, надеясь на благоприятство для него изменения политической конъюнктуры. Воспользовавшись провалами влиятельного правительства Эйзенхайма — Нельсон Рокфеллер за несколько недель до открытия республиканского съезда вновь объявил о своих притязаниях на пост президента. Он подверг реальной критике правительства и обрушился с личными нападками на Никсона, обвинив вице-президента в том, что он «отмачивается» по важнейшим политическим вопросам. Никсону, в силу его соглашений с влиятельными боссами республиканской партии, задолго до съезда партии было ясно, что неизбежное большинство голосов на съезде. Тем не менее активное выступление Рокфеллера могло подорвать шансы Никсона. Результатом явился обставленный всеми атрибути-

ми дешевого детективного романа взятки вице-президенту США на дом к Рокфеллеру. Никсон никогда не пришел в Нью-Йорк на рейсовом самолете и тайно, ночью явился к Рокфеллеру в дом на Пятой авеню — самой фешенебельной улице Нью-Йорка. «Никто не обратил на него внимания, так как он замаскирован под Эйзенхайма», — сказала одна из девушек, из которых одна из представителей демократической партии. В результате переговоров Никсона с Рокфеллером между ними было заключено соглашение, которое американские газетчики окрестили «Договором Пятой авеню». В этом соглашении наши отражение взгляды Н. Рокфеллера, являющиеся, если так можно выразиться, критикой курса правительства Эйзенхайма с точки зрения более экспансионистской политики силы». Установки Рокфеллера на дальнейшее значительное увеличение военных ассигнований, подготовку к ведению «локальных войн», усиление роли стратегической авиации при сохранении постоянного демурства атомных бомбардировщиков в воздухе, дальнейшую активизацию американской внешнекономической экспансии были тогда же, в ночь с 22 на 23 июня, включены в программу демократической партии. Никсон и Рокфеллер без каких-либо консультаций с другими руководителями республиканской партии продиктовали их в Чикаго по телефону Перси — председателю комитета по работе программы партии.

Сделав ряд «уступок» Рокфеллеру по программным вопросам республиканской партии, Никсон, в свою очередь, добился от него поддержки своих претензий на предварительные выборы. Визит Никсона к своему политическому сопернику явился новым блестящим подтверждением «приспособляемости» Никсона — качества, столь циничного в нем монополистами.

Никсон попытался своим визитом к Рокфеллеру убедить сразу двух заинтересованных сторон, он заручился могущественной поддержкой семьи Рокфеллеров с другой стороны. Н. Рокфеллер с друзьями — родственниками «приятеля» нынешней политики правительства, членом которого он сам является и сомнительные заслуги которого он также присписывает себе. Эта тактика проводится Никсоном и на заключительном этапе избирательной кампании. Судя по обстановке, Никсон говорит либо об «активах» и «достижениях» республиканского правительства, либо отмечается от действий того же правительства, рассчитанных на предвыборную демагогию затуманить мозги рядовому избирателю, не очень искусенному в тонкостях политики.

ЗОВ ПРЕДКОВ

Что касается кандидата на пост вице-президента от республиканской партии Генри Уорсли Лорда, то последний не уступает Никсону по части демагогии и лицемерия, что он блестяще продемонстрировал в ходе обсуждения в Совете Безопасности вопросов об агрессивных действиях американской авиации в отношении СССР. Кстати говоря, тот факт, что защищая в Со-

вете безопасности пиратские действия США, министр Лорд также чувствовал темы, объясняющие глубокими семейными традициями. Как сообщила журнал «Ньюсик» в номере от 8 августа этого года, предки Лорда не брезговали пиратством в открытом море, «занимаясь сколачиванием капиталов». Именно этот капитал позволил последующим поколениям Лордже «выбить» в люди — занимать важные места в правительстве и бизнесе США. Именно этот капитал и тесные связи среди монополистов и бизнеса республиканской партии обесценили Генри Каботу Лоджу — младшему его нынешнее выдвижение в кандидаты на второй по значению пост в стране.

Интервенционистские взгляды Г. Лоджа как нельзя более устраивают уолл-стритовскую верхушку, мечтающую об усилении агрессивной политики США.

ПЛАТИ КЕННЕДИ-СТАРШИЙ

Kандидатом на пост президента от демократической партии выдвинут: 43-летний сенатор Джек Кеннеди — сын известного бостонского миллиардера Джозефа Кеннеди, состояния которого оценивалось в 400 миллионов долларов. Несмотря на то что Кеннеди имеет тесные связи с финансово-промышленными кругами США. В числе лиц, поддерживающих комитет «Кеннеди — в президенты», Э. Локк, президент одного из филиалов «Стандард

Политические противники сенатора Кеннеди иронически замечают, что он основательно потряс колеса папиши, финансировавшего его кампанию, и что для него действительно, быть выдвинутым в кандидаты (не говоря уже о том, чтобы быть избранным) в «демократической» Америке стоит немалых денег. Влиятельный журнал деловых кругов США «Онейт Стейтс» нью-йоркского Уорд репорт в номере от 25 июля писал: «Что стояло выдвижению Кеннеди в кандидаты его семье? Прежде всего избрание Кеннеди кандидатом симпатизирующей им 10 с лишним миллионов долларов. Источники, близкие к самому Кеннеди, указывают суммы столь незначительную, как 700 тысяч долларов. Большинство же «нейтральных» избирателей называют как «абсолютно минимальную» цифру в 3 миллиона долларов».

Политическое лицо сенатора Кеннеди довольно противоречиво. С одной стороны, Кеннеди в прошлом выступил за конструктивные переговоры с СССР по нерешенным мировым проблемам, за более реалистическую политику в отношении КНР, за достоинство твердого соглашения о прекращении ядерных испытаний и т. д. А с другой — тот же Кеннеди является одним из активных сторонников гонки ракетного вооружения, дальнейшего роста военных ассажиновий США. Он пытается вновь вытаскивать на свет давно скончавшуюся доктрину «освобождения» стран народной демократии. Более «клиберальных» взглядов Кеннеди по некоторым вопросам внутренней политики обеспечивают ему поддержку американских профсоюзов. Но в политическом лице кандидата демократов, нельзя не отметить и такого типичного явления американской политической жизни, как радикальная трансформация взглядов кандидатов оппозиционной партии по мере увеличения степени их ответственности за внешнеполитический курс. Несколько месяцев назад, когда Кеннеди еще не был официально выдвинут кандидатом в президенты, он гордился широкой поддержкой политики нового правительства Кеннеди. Еще в мае он заявлял, что в отличие от президента Эйзенхауэра он привнес бы изменения в СССР в связи со шпионским полетом «У-2». Ныне, когда Кеннеди как официальный кандидат получает регулярный инструктаж от Белого дома, он куда более сдержан в своей критике внешней политики США.

Избрание кандидатом на пост вице-президента Линдона Джонсона, сенатора от Техаса, явилось результатом компромисса между силами, поддерживающими Кеннеди и шестнадцатью другими настроенным финансово-промышленным кругом Юга (в частности техасскими «нефтепромышленниками»), где Джонсон пользуется значительным влиянием. Сам Джонсон — богатый землевладелец. Его деятельность в сенате в последние годы в основном была направлена на сохранение рабочей сагреации в США. Не пытая особых усилий насчет своей популярности в общечернокожем мас-секторе, Джонсон предпочтует делать скажу сразу, на две лоджи. На предстоящих выборах он блефует не только в качестве президента, но и добивается перевыборов на место сенатора от

штата Техас (закон штата разрешает такую двойную комбинацию).

Сейчас трудно давать какие-либо прогнозы исхода борьбы между кандидатами соперничающих партий. Вероятно, то, что у кандидатов демократической партии более возможностей в деле улавливания голосов избирателей, поскольку они могут отождествляться от курса нынешнего республиканского правительства и становиться в позу критиков. Вместе с тем нынешняя недовольственная предвыборной кампании роли государственного аппарата, с помощью которого вице-президент его окружение пытаются играть на шовинистических чувствах избирателей, раздувает антисоветскую истерию и военный психоз.

ОТСУСТВУЮЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Bыло бы ошибочным, однако, не учитывать глубоких сдвигов в американском обществе, связанных с усиленным социальным движением широких масс народа. Общественное движение в США за разрыв напряженности, за мирное сосуществование и переговоры с СССР, далеко не преходящее явление, и правящим кругам США волей-неволей придется считаться с этим движением. Примечательно, что наряду с задающим тон антисоветскими призываами в престижных программах обеих главных флагманских заявлениях необходимости продолжения переговоров с СССР по нерешенным мировым проблемам, это явная дань общественному мнению Америки. Несмотря на ажиотаж вокруг гонки вооружений, влиятельные круги обеих широких американских партий США понимают, что в конечном итоге судьбы капитализма определяются не мировым соревнованием в области вооружений, а составлением между двумя системами в области экономики и общества, т. е. отставанием какой-либо из сторон. В программе республиканской партии, в частности, говорится: «Соединенные Штаты в эпоху радикализнейшей революции. Жизнь людей и народов претерпевает такие изменения, которые ведутся в истории. Рождение новых наций, вспышка новых машин, угроза нового оружия, появление новых идей, проникновение новой области Вселенной — повсюду, ударила падает на слово «новые».

Однако, признавая, что нынешняя эпоха — эпоха «нового», лидеры США не учитывают этого нового. Они не принимают и не хотят принимать тех социальных изменений, которые происходят в мире и общем замблеематом которых является крушение мировой системы колониализма и империализма. Говоря о социальной проблеме, лидерам национально-освободительного движения Азии, Африки, Латинской Америки, лидерам обеих партий США в своих практических предложениях по этому вопросу фактически выдвигают в качестве «позитивной инициативы» экспорт контреволюции. Это подтверждается такими двойкортными акциями, как экономическая и политическая агрессия в отношении Кубы, интриги США против Республики Конго, экономическое давление на Обедиент-Сити, Арабскую Республику Египет. Споры, ведущие ныне между различными группировками американских монополистов по вопросу об отношении к национально-освободительному движению, фактически являются дебатами не о том, что делать, а о том, как делать, в какой форме осуществлять экспорт контреволюции, чтобы сохранить молодые национальные государства в орбите империализма.

Признавая научно-технические и производственные успехи СССР, лидеры республиканской и демократической партии США, призывают покончить с продолжающимися ухудшением позиции США в экономическом соревновании с Советским Союзом. За период правления республиканцев средние темпы промышленного роста США составили менее двух процентов в год по сравнению с 11—13 процентами этого периода в СССР. Хардкорные представители правительства Эйзенхауэра за пять лет, сенатор-демократ Г. Хэмпшир заявил: «В 1953 году по 1958 год мы потеряли более 10 миллионов человеко-лет в виде неиспользованной рабочей силы из-за безработицы. Рядовая американская семья была наказана сокращением доходов в размере почти 3 тысяч долларов, если исходить из реальной покупательской способности». Чрезмерное недопользование производственными мощностями безразлично привели к тому, что в 1953 году по 1958 год конесли потерю более 150 миллиардов долларов в общенациональной продукции». Сенатор Хэмпшир на узкопартийных собраниях азанизывал вину за все это на «иамбулов» руководства республиканского правительства. Но разве при правительстве демократов не было того же самого — массовой безработицы, экономических кризисов, хронической недогрузки производственных мощностей?

Не будучи в состоянии сбрасывать драгоценное ядро капитализма, лидеры обеих партий пытаются решить вопросы борьбы двух систем на путях гонки вооружений. Об этом говорят их неистовые призыва к усилению гонки вооружений, активизация военных приготовлений США. Об этом же свидетельствует и правительственные программы наращивания вооруженных сил США, торжественная обработка «документа тайного большинства» в американском конгрессе. Естественно, что провокационный вызов, на гонку вооружений, содержащийся в этой программе, представленной президентом США и одобренной конгрессом, не заставит Советский Союз смириться с его мирного курса. Этой курс блефы выражен в новом советском плане разоружения, который выдвинул Н. С. Хрущев в своей волнистой речи на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Что же касается рядового американского избирателя, то он вновь оказывается перед выборами без выбора.

Г. ТРОФИМЕНКО

Одни и те же рабочие руки изготавливают рекламные значки «Никсон — в президенты» и «Кеннеди победит». Каждый из них имеет право, что из них будет президентом: ни тот, ни другой не признает никого хорошего рабочего класса Америки.

Свой компании, К. Байер, президент крупнейшей американской торговой фирмы «Сири, Робертсон, компания», Д. Айго, исполнительный председатель национального торгового банка Чикаго, к многие другие влиятельные воротильи американского бизнеса.

ОСЕННИЕ

К 65-летию со дня рождения

Легкое имя — Сергей Есенин — вызывает как бы дуновение красоты и человечности. Правда, с этим именем связано и тревожное чувство. В его лирике также залетаешь, вырываясь из привычного ограждения, огромной нации, чувства оказывались у Есенина, иногда в разладе с разумом, который видел дорогу в завтра своего родного народа. Но это чувство было и отскакивало, вырываясь из ограждения, как бы изнутри, изнутри же народа, изнутри же самой природы.

Однажды, работая в Рязанском крае (под Муромом), Николай Б., рассказал письме и автору эти стихи, как в госпитале во время войны мицдестра дала ему маленьку книжку Есенина. Этот молодой рабочий никогда раньше не слышал о Есенине, вообще не читал поэтов. Был он очень тяжело ранен. И вот пишет он в письме: «Я читал о том, как «спину чремухи в белой наивности», погибли, о путях, об омуте, «Письмо матери», я забывал о ранах, забывал о болезнях. Мне так захотелось жить, увидеть Солнечногорскую округу, Приокскую низину! На меня веяло запахом полей, сена, цветов... Есенин с тех пор для меня дорог».

Есенин передает нам свое ощущение музыки и живописи окружающего мира. И это ощущение рождается в читателе или слушателе ответной волне тепла.

Ведь у лирики есть свою особую средство, языком которых поэт может рассказать о жизни, о тайнах человеческой души с такой обнажающей силой, как это, пожалуй, не сделает иначе. Думаю, что сила Есенина как лирического поэта, как художника слов, заключается именно в его искусстве с паразитической откровенностью выражать в образах, в музыке слова человеческого чувства, боязнь человека, любви. Надо помнить Горький сказал о Есенине такие искромсанные слова: «Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии».

О Есенине можно также сказать, что он сам стихийное выражение замечательной талантливости русского народа. Есенин — уроженец того Рязанского края, который сегодня стал известен на

весь мир германскими подвигами своих колхозниц и молодежи на помощь великого экономического соревнования с Содиненными Штатами Америки.

Сергей Есенин родился 4 октября 1895 года в семье крестьян деревни Константиново, ныне Рыбновского района, на Оке. В те времена разинские места были одними из самых бедных и отсталых в России. Подвергнувшись уходу на отхожие промыслы, Отец Есенина, Александр Никитич, служил ариаконником в мясной лавке в Москве. Воспитывалась мальчик Есенин сначала сельской школой, потом в церковно-учительской семинарии в детстве жил в доме своего брата. Как ни будь бы бедная деревенская семья, но навсегда она запала в душу Есенину, у которого тогда пробудилось поэтическое чувство. Он раздал это чувство, читая Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, восторгаясь поэтическими образами «Слова о полку Игореве». Мы не праучившим, если скажем, что его родная сторона наполнила Есенина волшебной водой, которая раскрывает лицо глаза на все прекрасное в мире.

У каждого поэта можно найти то зерно или тот его главный пифос, как говорил Белинский, в котором, как бы изымаются душа поэта, его главные концепции мысли и чувства. Это сокровенное, это зачарованное внутреннее движущее парос его поэзии, определившее его народность, — это любовь к Родине. Она, эта огромная, заполнявшая все его существо любовь, была для Есенина и источником поэтического вдохновения, подсказывавшего ему темы и образы его лирики. Он не просто носил в душе эту любовь. Она была его радостью и счастьем. На множестве ладов тема Родины, Русь варьируется в стихах Есенина. А свое стихотворение «Русь советская» поэт заканчивает такими строками, исполненными щемящей до боли синевы любви:

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет гроза племен,
Несущая смерть, грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С называнием кратким «Русь».

Кстати, есенинское чувство Родины жило в поэзии не просто как стихийное чувство, но и осознавалось им именно как главная черта его творчества. Так, например, профессор И. Н. Розанов рассказывал

в своих содеряжательных воспоминаниях «Есенин о себе и других» (1926 год), что Есенин в 1921 году объяснял собеседнику свое преимущество перед Блоком тем, что «Блок много говорит о родине, но настоящего ощущения родины у него нет». С этого оценок Есениным Блока, данной в поглемеском выпаде, нельзя согласиться. Но характерно, что именно это мотив поэта поставил во главу угла. Он говорил про себя и И. Н. Розанову: «Обратите внимание, что у меня почти совсем нет любовных мотивов. «Ламовые побаски» можно не считать, да я и выкинул большинство из них во втором издании «Радужники». Моя лирика живет одной большой любовью, любовью к родине. Чувство родины — основное в моем творчестве».

Это верно, что чисто любовные мотивы у Есенина появились значительно позже; лишь в последние два-три года жизни. Но замечательно, что и в эти мотивы вплетаются думы о Родине. Сердцу милый край! Разъезд образ его может отнести и жаркие краски полуподенного юга, и красоту величия! Всех членов Арбосских мотивов — пронизанный таким язвительным чувством к женщине — в духе восточной поэзии — и осенний светотенью яркого золота, отмечены в то же время этой поэтической думой о своей далекой, северной Родине:

Потому, что я с севера, что ли,
Что дуга твои восходит, что раз,
Моя Родина была красна Швеция.
Он не лучше рязанских разводий.
Потому, что я с севера, что ли.

И в другом стихотворении, в «Хороссане» такие строки, где «обмыты разом порог», Есенин писал:

Перспек! Тебя я понидаю!
Нас всегда ль с тобою
расстаскую?

Да, нас всегда. Почему?

Из любви и родимому мне краю
Мне пора обратно ехать в Гусь.

Вот эта глубокая, всепроникающая любовь к Родине, кровная связь Есенина с родным народом, с народной песней, с родной литературой — это все помогло занять поэту четкую политическую позицию сразу после Октября, вместе с Маяковским, целиком принявшим платформу Советской власти; все это помогло Есенину выбраться на верную дорогу в его идеологических плющаниях;

это, наконец, проводило всегда резкую грань между Есениним и буржуазно-декадентской литературной средой, в которой он вращался в 1915—1920 годах.

Итак, Родина, Русл — вот тот главный, тот огромный образ, заполняющий душу поэта, ее пререне, несущий, если так можно выразиться. Но это не роман! Какая Русь! Есенинская Русь сливается с образом деревни, крестьянской жизни, природы. Прелест естественного бытия у Есенина сливается с картинами русской природы и с укладом идеализированной им патриархальной деревни. Эстетический идеал Есенина лежит именно здесь. В едином чувстве прекрасного, как я говорил, у него сливаются природа, деревня и Родина. Следует подчеркнуть еще вот что: патриотическое чувство, обогащалось у Есенина одновременно с его идеальным ростом в советские годы. И если в ранних стихах его господствует Русь бедная, смиренная, то в 1925 году Есенин ужас писал:

Мне теперь по душу иное...
Но в чахлом свете луны...
Через каменные и стальные
Винты моих в родной стороной.

Русская литература создала много замечательных образов и картин нашей родной природы и в стихах и в прозе — от Пушкина и Лермонтова до Бехова и Пришвина. Но и в этой богатой национальной традиции поэтического образа русской природы, станы Есенина, останавливаются, а, наоборот, захватывают одно из первых мест по силе вложенных в них чувств, по красоте описаний. Мы вправе назвать Есенина певцом русской природы. Воспева Есении, мы не просто рисуем пейзажи. Нет, его картины напоены сильным и сложным чувством, которое доминирует и изымаются всегда любовь. Это любовь к Родине, к людям и к самой жизни, самом широком и всеобъемлющем смысле слова. Русь, Родина и деревня — всегда это у Есенина симфонично, многообразно, всегда вспыхивает любовь, радость вокруг.

Глубокие и новые впечатления, вспыхивающие у Есенина из садов и из родной природой, затем рождаются в душе поэта целый сонм лирических персонажей, влекущих читателя за собой, сливаясь в едином образе прекрасного. Вот пример этих переливающихся одно в другое лирических чувствований, подобно музыкальным мотивам в симфонии. Стихотворение начинается как будто пейзажными зарисовками:

Молчавые, Степы и дали,
Свет души во все волны.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Эта старинная картина вызывает чувство призывающей любви к бедному рязанскому краю:

Непривязанная дорога,
Да любими навек,
По которой езды много
Всийки русский человек.

А затем мысль возвращается к самому садоку:

Эх, мы, сани! Чо за сани!
У меня отец крестьянин.
Ну, а я — крестьянин саны.
Попадешь мни на известность
И на саны чистоты.
Эту чалчленную местность
Не видал и много лет.

Ну, разве может быть для Есенина что-либо дороже своего родного, русского, бескрайнего, этой ширы!

Тот, кто видел, хотя однажды,
Этот край в твои глаза,
Тот, кто берега Рыбницы
Носку ряд посыпал...

Как же мне не проспениться,

Всех санов и званий и звенья?

Будет рано веселиться Юности русских деревень.

Посмотрите, с каким искусством пластических образы и простой рисункой первой страны сочетаются по звуко-цвету составу! (Фонетическая сплавка) И это неслучайно («бубенцы») на старинный лад усечеными словами («стыны» и «звено»), как этот звон летом переносит в веселые молодородные сомольской деревни! (Юности русских деревень) и как все это сочетается с неожиданным и трогательно озорным образом погоды, потогоя поспевают березы каждой ее юности.

Вот это есть то, что мы называем художественной ценностью, того или иного произведения. Мы ценим в художнике его искусство замечать, улавливать такие явления в окружающей нас действительности, такие состояния души, искусство находить такие слова и выражения для этих замечаний, словно впервые увиденных и открытых вещей, что все это, вместе взятое, вырастает слова в чисто живое и очутимое.

Творческая жизнь поэта падает на период, непосредственно предшествующий Великой Октябрьской социалистической революции, и в большей части на первые пооктябрьские годы. В эти годы все кипело в стране. В столичных классах, идея, в ломке всего жизненного уклада, Есенин, как он сказал, решительно и безоговорочно с первых дней Октября стал на сторону народа. В целом ряде своих произведений Есенин отразил революционные события, начиная с писанием замечательных стихи о Ленине, «Балладу о двадцати шести», где воспел германский подвиг закавказских комиссаров, написал замечательную «Песнь о великом походе», наконец, создал шедевр, который можно включить в золотой фонд советской поэзии, — поэму «Анна Снегина». Написал Есенин и драматическую поэму «Пугачев», о крестьянском восстании против самодержавия в XVIII веке. Эта поэма очень красила Горькому.

Но наряду с этими эпическими произведениями, наряду с лирикой о природе и любви в стихах Есенин проникло и другое,шедшее от того старого, с чем он был связан. Недаром сам Есенин говорил о себе: «Я человек из нового, что скрывать? Остался в прошлом я одной ногой. Стремясь донять стальную рат, скользну и падаю другого горизонта».

В чем заключалось это старое, следы которого мы находим в есенинской поэзии? Прежде всего — обилья церковных образов и мотивов, особенно в его ранних стихах. Есенин сам писал об этом: «Самый щекотливый этап — это моя религиозность, которая очень отчетливо отразилась в моих ранних произведениях». Этот этап я не считаю творчески мне принадлежащим, он есть усложнение моего воспитания и той среды, где я вращался в первую пору моей литературной деятельности... Я просил бы читателей относиться ко всем моим исусам, боязлив матерям и милькам, как к сказочному в поэзии... Все эти, собственно, церковные имена нужно принимать как каменные, которые дали нам стихи Фомин, Озим, Зевс, Афродита, Афина и т. д.

В стихах моих читатель главным образом должен обращать внимание на лирическое чувствование и ту образность, которая указала пути многим и многим поэтам и беллетристам. Это верно, что библейские мотивы и образы не были свидетельством, какой-либо действительной глубокой религиозности поэта. Но этот словарь не случайно возник в позиции Есенина, наложил довольно густую краску на произведения первой половины его творческой жизни и даже на произведения первых пооктябрьских лет. Напомним еще несколько поэм, как «Принцесса» («Октохи», «Иониня»), характерные слова, библейским словам и торжественно-пророческим тоном.

Вот и другие и словесный и поэтический ряд стихов, в которых к архе, как это выражено в стихии возврата поэта, идеализации и патриархально-деревенского уклада. Естественно, что и протест Есенина против капитализма не носил последовательно революционного характера. Этот протест выливался в оппозиционную народной воли («Марфа-Посадница») или в озорство и буйство Лихача-Кудрявича.

Но и другое слабое есть в литературном наследии поэта. Я разумею здесь такие его произведения — пусть и в небольшом числе — как стихи «Москва забывает и т. д.». В этих стихах воспевается чистота советской молодежи боязнившими («сниной») чистоты за вакханками (прокомонами), беззаботная чувственность («ищущая жизни» — поецули, да в омуты) и т. п. В этих уладочных, богемных мотивах самых прямых образах, оказались творческое влияние буржуазного города и декадентской среды. И так же, как патристская печать и Маяковский в свое время резко выступали против подобных чуждых советской культуре мотивов, так и сегодня мы будем с такой же категорической нетерпимостью относиться ко всему чужому морали и духу нашего общества.

Некоторые говорят так: зачем указывать на темные стороны у Есенина? Зачем вспоминать о них, тем более что для нас сегодня совсем иначе звучат такие его сти-

хи, как, например, «Исповедь хулигана? Мы видим в них другое содержание. Некоторые идут и еще дальше. Недавно я беседовал с одним из близких Есенину, который сказал, что надо все у Есенини перечитывать заново.

— Как это понять?

— А так, что у Есенини совсем не подходит слова «уподобление стихотворение». Нет у него таких стихов. Просто Есенин рассматривал сам себя как натуру для своих стихов. Он окунувшись в омыту жизни, which потом рассказал об этих переживаниях как бы со стороны. Показывать те трудности, какие пережили люди в прошлые годы.

— Значит, вы хотите сказать, что такие, скажем, строки у Есенини, как: «Их побоихали я и скандили для того, чтобы ярче гореть», надо рассматривать как иносказание, раскрытие приема, метода, при помощи которого путем контраста он открывал нам огни времени, показывая ярче все светловые в человеческой?

— Да и вообще ничего темного было в Есенини, тем более как вличине, не было. Это был смелый человек, гордый, великий патрот своей Родины и видел в своих стихах (например, в «Ионинии») на слот лет спустя...

— Но все это в действительности было очень сложно. И, конечно, скопиро, скопиро, фантастически влюбленными Есенин в стихах, искати сказать, что это можно только при его согласии, что он открыл глаза на жизнь, как она есть, вместо того идеала, который ему хочется видеть. Но трогательно это желание видеть в Есенини, в этом народном сыне, талантливом, красивом, там рано и так трагически погибшим, — воплощение извечной мечты народа, которую он выражал только в сказках, мечта видеть своего сына на светлы, как небо, и звонки, как жареновино в нем. Я понимаю это желание видеть таким Есенини, потому что глубокий герой. На Всероссийской литературной выставке была скульптура Есенини, который изобразили из мрамора в виде античного юноши в кудрях, вроде Антигона, с длинной шеей и с человеком без единой морщинки. Дело не только в том, что он совсем не похож на умного, смешливого парня из рязанской деревни, с широкой душой, каким был Есенин. Дело в том, что сама понимание, сама трактовка поэта (а Есенин был поэтом, который вобрал в свою душу и потрясения и драмы своего времени) далека от есенинского человеческого и от есенинской сути, как человек. Поэтому, я понимаю эту сдержанность, идеализацию своего любимого поэта. Но мне, признаюсь, дороже измраморный красавец без единой морщинки, милый и без единой морщинки перевесенного страдания. Мне дороже тот Есенин, который «коровой» чувств ласкал чужие души. Такой Есенин, может быть, не так «красив», как Антигон, но он более человечен. Конечно, поэзия возвышает. Но не на сми стихи мы должны смотреть открытыми глазами.

— Когда мы встречаемся с есенинским героем на природе, в деревне, как, например, «Исповедь хулигана? Мы видим в них другое содержание. Некоторые идут и еще дальше. Недавно я беседовал с одним из близких Есенини, который сказал, что надо все у Есенини перечитывать заново.

не, то маще всего перед нами хороший русский парень с удалом и вместе с тем немножко душой. Но когда этот герой уходит, уходит Есенин на фоне города, то меркнет он, бледнеет, сквозь головой, по лунным улицам, в какой-нибудь бакфак или жалуется в некоторых стихах бандитам или проституткам на свою пропащую жизнь. И такой герой у советского читателя иначе, кроме снискожительной жалости, пробудить не может.

— В последние две года (позд умер 28 декабря 1925 года) особенно полно и ярко раскрылся замечательный поэтический талант Есенини. Он обособился от всего вычурного, наносного, и в нем отчечно заявляла о себе пушкинская традиция. Недаром сам Есенин говорил, что его больше всего тянет в стихах к Пушкину.

Носкальное, синее,нежное. Тих мой края после бурь, после гроз, Диша моя, поле безбрежное, дышит запахом мела и роз.

— Поподольчий ли? Дальше эхо ли? Всё сплошь вспоминки, грусть. Душа моя, с тобой прохлаш. Через бурный полонский путь.

— Творчество Сергея Есенина является темой, которая входит в историю русской советской поэзии. С некоторыми мотивами и образами есенинской поэзии познакомились стихи Степана Шилченко, Александра Профоркевича, Александра Фадеева, Сергея Васильева, Николая Рыленкова, Михаила Исааковского и других современных советских поэтов. Вместе с Маяковским Сергей Есенин является темой советских поэтов, имя которого получило наибольшее признание и стало широко известно за рубежами нашей Родины. Чем дальше время отходит, тем живее и ярче становится жизненность его поэм и значительность его фигуры. Все шире становится круг читателей и почитателей Есенинского таланта.

— Издавна итальянские писатели Карло Ливи склонялись в одной из своих статей к тому, по его мнению, что русская литература наибольшее значение для итальянских писателей, особенно для молодежи, имеющие произведения Толстого, Достоевского, Чехова, Есенина, «которые оказали значительное влияние на всю позднейшую итальянскую литературу».

— Когда я был в Риме, я спросил Карло Ливи: «Нельзя ли вспомнить Есенина объяснять тем, что в Италии так же великое значение крестьянства, как это было раньше в России?»

— Вы удивляетесь, почему Есенин так популярен у нас, в Италии? — спросил Ливи.

— Конечно. У него же в сердце «светит Русь».

— Да, но ваша Россия — это и есть человеческое сердце. И Толстой и Достоевский — все это те, кто светят всему человечеству. А ведь без сердца не может быть и познаний.

— Это верно сказано. Человечность — в русской традиции, в традиции в русской литературе. И поэтому мы с любовью вспоминаем легкое, хорошее имя Сергея Есенина, потому что человечность — это наше девиз, потому что страна, строящая коммунизм, — это страна, где высшее звание — звание Человека.

УНИВЕРСИТЕТ
КРАСОТЫ И
ЗДОРОВЬЯ

ПРОСТО
И УДОБНО

В ЧЕМ КРАСОТА
СОВРЕМЕННОГО ЖИЛИЩА?

Чтобы понять это, надо разбраться в вопросах современного стиля: в архитектуре, в конструкции мебели, в предметах быта. Без этого трудно бороться с безвкусной, мещанством и излишествами в оформлении квартир, бороться за высокий эстетический вкус.

В наше эпоху — эпохе великих научных открытий, atomicной энергии и невиданного развития промышленности — изменились темы жизни, весь жизненный уклад людей.

Современные здания строятся постепенно. Такой их облик соответствует ускорявшемуся ритму

жизни больших городов, общему оформлению улиц. Строгость конструкций, ясность архитектурного мышления являются основой современной архитектуры.

В мебели современные черты находят выражение прежде всего в том, что мебель нового типа проста, легка, удобна. Форма ее ясно выражает назначение и не скрыта никакими украшениями: резьбой, отделкой, перламутром, бронзой и другими, дорогостоящими материалами.

Однако если залогнуть сейчас в иные времена, то придется все брошенное в глаза устаревшее типы мебели, тканей на занавесках и обивке, листы, пали и прочее оборудование, набор самых разнообразнейших, совершенно неподходящих друг к другу вещей, вынужденных соединяться и уничтожаться друг с другом. Старомодные обивки с крупными букетами и замысловатыми узорами, громоздкая, тяжеловесная мебель совершенно не соответствуют современному типу дома, современному быту и укладу жизни.

Тем не менее до сих пор фаб-

рики, выпускающие или иные виды мебели, не заботятся о том, как она будет выглядеть в интерьере жилого дома. Проблема целостности интерьера является сейчас самой насущной проблемой архитектуры и художественной промышленности, без решения которой невозможна дальнейшее развитие ни одной из ее отраслей.

Величайший русский зодчий — Растреляй, Камерон, Росс, Стасов много и плодотворно работали не только как архитекторы, но и как проектировщики мебели, внося в оформление высокую культуру и хороший вкус.

Если советские архитекторы и художники следовали этим прекрасным традициям, наши интерьеры на многое бы выиграли. Кое-что в этом направлении уже делается. Разработано много проектов комплексного оборудования квартир. Однако целостные, художественно решенные ансамбли пока еще неизвестны, а не правда.

Появление новых форм мебели сбрасывается не только изменениями, произошедшими в об-

щественной жизни людей, в их быте, но и изменяющейся технологией самого мебельного производства. Красота мебели становится рококо или русского классицизма, заключающаяся в плавких изгибах и очертаниях, в пластичности форм, достигнутая в большей степени за счет ручного труда.

Теперь мебель создается машинным способом.

Переход к промышленной технике, к использованию новых материалов не означает упрощения обличия вещей, отказа от их художественности. Он требует только другого рисунка, вызывает к жизни новые формы. Промышленность открывает безграничные возможности для выпуска мебели самых различных форм, видов, форм, отражающих самые разнообразные эстетические вкусы и практическим назначением. Опalesценция стандарта в действительности окажется совершенно беспочвенной, если взяться за дело в государственном масштабе, а не передовать это мелким артелям.

МОЖНО ЛИ КУПАТЬСЯ
КРУГЛЫЙ ГОД

Читатель А. Карапетов просит рассказать о том, как подготовить себя к купанию на свежем воздухе в течение всего года. Ему отвечает доктор медицинских наук Б. М. НИКИТИН.

Как надо начинать закаливание водой?

Температура воды в начале процедур должна приближаться к температуре кожи (около 30 градусов по Цельсию). Начинать надо с простого растирания тела влажной рукой и пальцами. Через две-три недели, если у вас после таких обтираний остается хорошее ощущение, следует перейти к обливанию. Когда кожа привыкнет и к такому воздействию, можно начинать принимать душ и уже

после него переходить к утренним купаниям в реке.

Вполне понятно, что температура воды должна снижаться постепенно.

После водной процедуры нужно наслаждаться громкими полотенцем. Это вызывает приток крови к коже, улучшая ее питание и способствуя быстрейшему возникновению новых эпителиальных клеток. Появляется барьерная функция кожи, которая мешает проникновению различных бактерий в тело.

Обтирания и обливание могут занять пять — семь минут. Душ — не более трех минут, а продолжительность купания в воде и воздухе. Во всяком случае, она не должна заканчиваться озоном.

Лучше начинать закаливание весной или в начале лета. Водные процедуры следует проводить ежедневно по утрам, но можно и вечером за 1—2 часа до сна. Для того, чтобы подготовить себя к круглогодичным купаниям, нужно, конечно, длительный срок.

Предположим, вы начали подготовку в августе. Купаться следует

ежедневно, лучше всего в один и те же часы. Вода, поскольку она еще не может быть 10 и даже 15 минут.

Но, конечно, август, воздух в воде в常に стали холоднее. Все равно продолжайте купаться ежедневно. Если погода прохладная, сделайте разминку, немного разогрейтесь и сразу входите в воду. В воде двигайтесь, плавайте. Осенние ограничены срок пребывания в воде до 1—2 минут.

Наконец, наступает такой период, может быть, в сентябре или октябре, когда входить в воду станет трудно. Не наслаждайтесь собой, кончайте купаться и переходите к обтираниям и обливанию. Водопадная вода — это в прохладном помещении. После водной процедуры обязательно растирайтесь до теплоты.

Весной начинайте купаться как можно раньше. Купайтесь без перерыва все лето и осенью. Порог, через который вы в прошлом году не смогли перейти, будет пройден, и ваше купание будетаться еще на месяц, а может быть, даже дольше.

Вероятно, не всем будет под силу купаться круглый год, но мно-

гие, подготавливая себя, постепенно добьются и этого.

Надо обязательно изменить и свою одежду, легче одеваться зимой, не кутаться, спать при открытом окошке или форточке. Несомненно, что все это сделает вас здоровее, предохранит от целого ряда заболеваний.

случайным людям или торговым организациям.

Но пока еще, к сожалению, многие изделия, изготавливаемые промышленным способом, так называемая массовая продукция, «шарлотроб» [стул, обитый деревянной обивкой, кружевами, лопатка, граненый стакан], удивительно некрасивы, грубы и безвкусны. У многих поэтому представление об уродливыми вещах связывается с машинным способом производства. Но причина этой грубости и уродливости вовсе не в способе изготовления. Можно и ручным способом выполнить уродливую вещь [например тому — производителя множества артелей], а можно и машиной сделать очень изящные и прекрасные изделия [зеленые, золотистые, настенные лампы и т. д.]. Наша художественная промышленность обладает мощной производственной и технической базой, высококвалифицированными кадрами художников и поэтому в состоянии создавать невиданные по размаху, по разнообразию формы, новые, прекрасные образцы прикладного искусства и бытовых вещей.

Машинное производство и новые материалы несут с собой разнообразие форм, смелость и неожиданность решения, новизну конструкций, иное понимание гармонии и красоты. Продукция, полутора новых материалов, металла и пластика открывает большие возможности для создания предметов новых форм и новых рисунков. Например, вместо традиционного четырехгранныго стола, к которому с детства привык наши глаза и который поэтому кажется нам совершенными и устойчивыми, представляем отнюдь, или с одной ножкой, стол-доску, прикрепленную к стеле или серванту, или на стол на две ноги, или выдвижную полку, или края с подлокотниками на стени, или же пластика с дюрализованными или металлическими каркасами, обтянутыми аркой или полосатой декоративной тканью. Непривычно! Но красива. Это мебель очень близкого будущего.

Есть такое понятие у охотников — «прикладистость» ружья. Так вот такой же прикладистостью должны быть и будут обладать вещи будущего, все вещи, созданные машиной для человека. Они обрадуют нас неожиданностью автоматических устройств. Они поразят нас изяществом и красотой, поставленной действительно на службу человеку.

М. ЧЕРЕГСКАЯ,
кандидат искусствоведения

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

7. Ветчинка. 9. Тарту.
10. Кварц. 11. Идеология.
12. Сталь. 13. Гиперфильм.
14. Веер. 15. Дутые. 16. Сартлан. 18. Полимеризация.
21. Альбом. 22. Марка.
23. Корни. 26. Центезимо.
28. Вилка. 29. Дойна. 30. Сан-тиметр.

По вертикали:

1. Загн. 2. Отметка. 3. Литературоделие. 4. Акисономия.
5. Инка. 6. Ганди.
7. Трэйлер. 8. Проприфильм.
13. Куприянов. 12. Санфир.
17. Ноанс. 19. Серенин.
20. Стакан. 22. Равинки.
23. «Радищев». 26. Часы.
27. Одра.

Мих. АНДРАША

СТРАШНЫЙ РАССКАЗ (Хоморека)

Редактор популярного медицинского журнала попросил меня написать рассказ о курильщиках.

— Напишите что-нибудь страшное, — сказал редактор, — чтобы, прочтя ваш рассказ, курильщики навсегда забыли о табаке.

Я положил перед собой лист бумаги и стал припоминать историю табака. В этом деле, как известно, был замешан Христофор Колумб. Его матросы первыми начали курить и научили этому островитян. В Европе когда-то все были против табака. Римский папа Урган VII даже отлучил за курение от церкви...

Вокруг рассказа был готов.

Две молодые итальянки курят. В потатных карманах они носят кистечки и трубки. Агенты выследывают героя рассказа, и пана Урган VII отлучает их от церкви.

Когда я перечитал рассказ, мне показалось, что отлучение от церкви не убедит современных курильщиков.

Тогда я перенес действие рассказа в Англию конца XVI столетия. В то время как курение в Англии подпадало под смертную казнь. Герои рассказа — два голландских сыщики, и у beiden отбирают трубки. Потом им отбирают головы. Кажется, это было достаточно сильно. В конце рассказа на одной из лондонских площадей выставляют головы мертвых героев с трубками во рту.

Я перечитал рассказ и подумал, что для усиления головы едва ли испугают изящного курильщика. Но лучше всего действие рассказа в Турции, где существовал закон, по которому за употребление табака сажали на кол? Но тут возник законный вопрос: затронут ли наивных курильщиков описание жизни и предсмертных мук курильщиков иностранной державы? Это было вполне здравое рассуждение, и я решил поискать что-нибудь подходящее в русской истории.

На мое счастье, уже в царствование Михаила Романова из коронации следила смертная казнь с конфискацией имущества. А в «Уложение» царя Алексея Михайловича было велено материальным, «что курят и у кого будет найден табак», причем пытать до тех пор, пока курильщик не соизвестится, у кого он достал табачное зелье.

Итак, теперь в рассказе пытают каленым железом русского купца. От него требуют им право держать табака. Курильщик не выдерживает и выдает сообщника. Того хватают и, согласно царскому указу, разрывают ноздри, а затем зажигают, отрезают нос.

Я снова перечитал рассказ.

Страдания курильщиков были описаны выразительно. Но удовлетворил ли редактор описание только одной казни?

Чтобы застраховать себя, я написал новый вариант.

Теперь герой рассказа живет в Италии. Он курит трубку и поддается. Его хотят отлучить от церкви. Однако ему удается бежать в Англию. Здесь ему едва отобрать голову, но в самое последний момент птица, прошибшая лицо курильщика, удирает в Россию. Некоторое время он живет, не подвергаясь преследованиям, но один продавец табака, которому отрезают нос, выдает моего героя. И он вынужден бежать. Неумолимый закон против курильщиков настигает его в Турции: героя сажают на кол.

Все это было так страшно, что, когда я перечитал рассказ, мне стало не по себе. Впрочем, авторское мнение всегда пристрастно, и для проверки я дал прочитать рассказ соседу, о котором знал, что он курит с 11 лет.

— Страшно? — спросил я соседа, когда он вернулся мне рукопись.

— Очень страшно, — сказал сосед. — Я не мог читать рассказ без волнения. Подумать только, сколько мы уносим курильщики, прежде чем добились свободы. Теперь я заинтересован: хорошо сознавать, что тебе не отрубят голову и не посадят на кол!

Мне не осталось ничего другого, как сообщить редактору, что на эту тему невозможна написать страшный рассказ.

ПИШТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаковская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммуникатор Е-10-20.

Для справок — доб. 2-42; Отделы: литературы и искусства — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; научной и технической информации — доб. 2-29; писем — доб. 2-38; науки и техники; сагиры и юмора — Е-7-65-82; оформления — Е-7-01-32.

Главный редактор А. В. Никонов

Редакция газеты: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [литературный секретарь], В. А. Коновалов, Е. Н. Рыбников, А. А. Сосин, С. С. Спасский, В. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Будинина.

А-06451. Пописано к печати 11 IX 1960 г.
Тираж 774 300 экз. Инд. № 1793.
Заказ № 2579. Формат бумаги 70×108%.

2,25 б. л. 6,17 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

— Какой милый сервиз!

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: Танцевальная премьера Закарпатского народного хора — участника представлений дядьки украинского искусства и литературы в Москве.

Фото Л. Леонова.

Как ныне сбирается вещий Олег.
Отмстить неразумным хазарам.
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в цареградской броне
Князь по полю едет на верном коне.

Твой конь не боится опасных трудов,
Он, чуж гостподскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод, и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего.

НЕ ЗАБЫЛ ЛИ ТЫ ВЫПИСАТЬ НА 1961 ГОД ЖУРНАЛ
"С М Е Н А" ?

Он выходит два раза в месяц,
подписная цена на год - 48 рублей.

Любой отдел Союзпечати, контора или отделение связи, общественный распространитель печати оформят тебе подписку на литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ "С М Е Н А"

